

УДК 94(47)+94(438)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/70/7

Е.М. Крыжановский о русинах-униатах Русского Забужья

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Евфимий Михайлович Крыжановский (1831–1888) – русский православный богослов, педагог, писатель, историк. Сын православного священника, выпускник и преподаватель Киевской духовной академии. После её окончания преподавал в Киевской духовной семинарии. В 1862 г. переведён в Киевскую духовную академию. С 1865 по 1871 г. был начальником седлецкой учебной дирекции. Занимая эту должность, постоянно посещал учебные заведения губернии. Эти разъезды сыграли большую роль для выяснения истории и оценки «русского вопроса» в Подлясье (Подляшье). Основываясь на источниках, личных наблюдениях и воспоминаниях очевидцев, написал ряд статей по истории церковной унии на Подлясье, о современном состоянии униатского вопроса и образования в крае, проанализировал ошибки, допущенные Холмской епархией при «очищении обряда» и последующем воссоединении с православием. Как отмечал уроженец Холщины русский историк И.П. Филевич, тоже немало сделавший для решения Холмского вопроса, в литературе холмского вопроса труды Е.М. Крыжановского занимают исключительное место, представляя единственное серьёзное и беспристрастное освещение тех двух периодов холмской жизни, влияние которых сказывается до сих пор: периода исключительно польского воздействия при полном обособлении от русского мира за время с 1809 до 1863 г. и последовавшего за тем быстрого перелома, закончившегося воссоединением холмских униатов с православием в 1875 г. Работы Е.М. Крыжановского по Русскому Забужью были переизданы И.П. Филевичем в 1911 г. в период обострения дискуссии по Холмскому вопросу. Исследования Е.М. Крыжановского способствовали информированию российского общества, слабо знакомого с данным вопросом и, в результате, пользовавшегося, в основном, польской интерпретацией данной проблемы. Его работы также внесли вклад в решение в выделении насе-

лённых русинами восточных уездов Люблинской (Холмщина) и Седлецкой губерний (Подлясье) в Холмскую губернию.

Ключевые слова: Е.М. Крыжановский, Подлясье, Подляшье, Холмщина, русины, униатство, греко-католики, православие

Evfimy Kryzhanovsky on the Rusins-Uniates of the Russian Zabuzhie

Sergey G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

Evfimy Mikhailovich Kryzhanovsky (1831–1888) – a Russian Orthodox theologian, teacher, writer, and historian, the son of an Orthodox priest, a graduate and teacher of the Kyiv Theological Academy. After graduation, he taught at the Kyiv Theological Seminary. In 1862, he was transferred to the Kyiv Theological Academy. In 1865–1871, Kryzhanovsky was the head of the Sedlec Educational Directorate. While holding this position, he constantly visited educational institutions of the province. These trips played a big role in clarifying the history and assessing the “Russian question” in Podlasie. Based on sources, personal observations and eyewitness accounts, Kryzhanovsky wrote a number of articles on the history of the church union in Podlasie, the current state of the Uniate issue and education in the region. He analyzed the mistakes made by the Chełm diocese during the “purification of the rite” and subsequent reunification with Orthodoxy. According to the Russian historian Ivan Filevitch, a native of Chełm Land, who did a lot to solve the Chełm question, “the works Kryzhanovsky occupy a completely exceptional place in the literature on the Chełm question, since they contain the only academic and impartial coverage of those two periods of Chełm life, which affect the current Chełm malice: that of exclusively Polish influence with complete isolation from Russia in 1809–1863, which was followed by the rapid turning point, finally re-unifying the Chełm Uniates with Orthodoxy in 1875.” Kryzhanovsky’s works on the Russian Zabuzhie were republished by Ivan Filevich in 1911, when the discussion on the Chełm question intensified. Kryzhanovsky’s research contributed to the dissemination of the information among the Russians, who had known little about the problem and relied mainly on the Polish interpretation. Kryzhanovsky’s works also

contributed to the decision to allocate the eastern counties of Lublin (Kholmshchyna) and Sedlec (Podlasie) populated by Rusyns to the Chełm province.

Keywords: Evfimy Kryzhanovsky, Podlasie, Chełm land, Rusins, Uniatism, Greek Catholics, Orthodoxy

Евфимий (Евфим, Ефим) Михайлович Крыжановский (10(22).10.1831–26.07(7.08).1888) – русский православный богослов, педагог, писатель, историк. К сожалению, биографические сведения о нём неполны. Родился в селе Купиевата (Копиевата) Конельско-Поповской волости Липовецкого уезда Киевской губернии в семье священника. По семейному преданию, во времена руины казаки нашли по дороге во рву однолетнего мальчика, умирающего от голода. Им был прапрадед Е.М. Крыжановского. Его выходили, крестили по православному обычаю и впоследствии он стал казаком. Отец Е.М. Крыжановского (1828–1854) тоже был казаком, в зрелом возрасте стал священником в селе Копиевата, где он проживал, проработав на этой должности 26 лет до своей кончины. По отцовской линии первым священником в роду стал дед исследователя. До принятия сана за участие в Русско-турецкой войне 1787–1791 гг. он получил «грамоту на дворянство» [7: 497, 500, 502; 23: III–IV].

Данных о семье Е.М. Крыжановского сохранилось тоже немного. Известно, что у него был старший брат Григорий. Он ненадолго пережил Евфимия, скончавшись 24 сентября 1888 г. на 59-м году. Как было написано в некрологе, «старший и последний брат умершего в этом году в Киеве известного члена Учебного комитета и Училищного совета при Святейшем Синоде, Евфимия Михайловича Крыжановского». Он был священником с. Пархомовка Пархомовской волости Сквирского уезда Киевской губернии [27: 1326].

В восьмилетнем возрасте Е.М. Крыжановский был отдан отцом в уманское училище, где проучился два класса, затем по семейным обстоятельствам был переведён в киевско-подольское училище. За хороший голос и способность к пению его взяли в митрополичий хор при Софийском соборе, а затем перевели в софийское училище, которое в 1839 г. основал митрополит Филарет [23: VI]. В 1847 г. Евфим Михайлович поступил в Киевскую духовную семинарию. В 1853 г. окончил курс семинарии и в числе лучших воспитанников семинарии поступил Киевскую духовную академию. В 1857 г. окончил курс академии с причислением к первому разряду. После окончания для отдыха и поправки здоровья («на третьем курсе у него открылось сильное кровотечение горлом») провёл более года у родных в деревне, частично в Умани [23: VII–IX; 26: 968].

С октября 1858 г. преподавал в Киевской духовной семинарии. Сначала Священное писание и связанные с ним предметы, через месяц – и гражданскую историю, с декабря – гражданскую историю всеобщую и русскую, а также немецкий и греческий языки. В 1860 г. вместе со своим сослуживцем и другом Ф.Г. Лебединцевым стал издавать журнал «Руководство для сельских пастырей», в первых номерах которого поместил ряд статей из быта сельского духовенства. Журнал стал одним из лучших и востребованных духовных журналов в России [23: IX–X; 26: 968].

С ноября 1861 г. на Евфимия Михайловича возложили должность помощника инспектора для надзора за казённокоштными учениками. С июля 1861 г. вошёл в состав Киевского губернского статистического комитета, чьим действительным членом стал в этом же году. В 1862 г. переведён на должность бакалавра Киевской духовной академии на кафедру словесности общей и русской [23: X–XI; 26: 969].

В этот период Е.М. Крыжановский публикует целый ряд исторических исследований, очерков, характеристик, учёных сообщений, педагогических и публицистических заметок и обзоров в «Руководстве для сельских пастырей», «Трудах киевской духовной академии», «Киевских епархиальных ведомостях», «Вестнике Юго-Западной и Западной России» [23: XI–XIII].

Первой женой Е.М. Крыжановского стала Надежда Наркисовна Новицкая, дочь житомирского кафедрального протоиерея. В 1860 г. она с золотой медалью окончила Киевский институт благородных девиц. У них родился сын Сергей (29 августа (10 сентября) 1862, Киев – 12 января 1935, Париж). В 1867 г., когда сыну было 5 лет, его мать умерла от чахотки [21: 7; 23: XIII–XIV]. Сергей стал впоследствии видным государственным деятелем. В 1904 г. – действительным статским советником (1904), с 1901 г. был вице-директором хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, с 1905 г. – помощником начальника Главного управления по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел, товарищем министра внутренних дел (2.04.1906 – 1911), тайным советником (22.04.1907), с 1907 г. – сенатором, госсекретарём (20.10.1911 – 3.01.1917), с 1916 г. – статс-секретарём Его Императорского Величества, с 1.01.1917 г. – членом Госсовета. Сергей Евфимович был награждён орденами Св. Владимира III ст. (1906), II ст. (1914), Св. Анны III ст. (1893), I ст. (1909), Св. Станислава II ст. (1897), болгарским «За гражданские заслуги» I ст. (1911). Был женат на Марии Ипполитовне Щербицкой [1: 485]. Будучи товарищем министра внутренних дел П.А. Столыпина, руководил проектом создания Холмской губернии.

В молодости, в 1887 г., С.Е. Крыжановский привлекался по делу В.В. Водовозова, сына Е.Н. Водовозовой, который пытался нелегально издать в Российской Империи «Историю революционного движения в России» немецкого профессора А. Туна. Вместе с Водовозовым он участвовал в «Ольденбургском кружке». По просьбе Водовозова перевёл для приложения к книге с польского языка несколько отрывков, касавшихся истории народнического движения. За попытку издания книги В.В. Водовозов был отправлен в ссылку в Архангельскую губернию, С.Е. Крыжановскому полагался арест на две недели, от которого его освободили по ходатайству отца. После этого он перестал участвовать в оппозиционной деятельности [3: 53]. В 1938 г. в Берлине увидели свет его мемуары, над которыми он начал работать с 1912 г. [2; 21: 4].

После подавления в 1863 г. польского восстания на территории Царства Польского, в 1864 г. началась реформа системы образования, призванная «оживить русское народное сознание, пригложшее под гнетом и лезтью латино-польской пропаганды», было образовано 10 учебных дирекций. Бывший попечитель Киевского учебного округа, с 1864 г. главный директор Комиссии по народному просвещению в Царстве Польском Ф.Ф. Витте предложил Е.М. Крыжановскому возглавить учебную дирекцию Седлецкой губернии, а Ф.Г. Лебединцеву – Холмской, «приняв во внимание, что на эти дирекции, округа которых населены русскими униатами, требуются лица с высшим богословским образованием и знакомые с былыми судьбами православия в крае и борьбы его с латино-униатскою пропагандою». Назначение состоялось 4 декабря 1864 г. [23: XIV–XV].

В конце января 1865 г. Е.М. Крыжановский прибыл в Седлец. На следующий день в местной гимназии ему представился персонал, и «все они оказывались будто бы не умеющими говорить по-русски». Новый начальник предупредил сотрудников, что «взамен их ему придётся искать других, умеющих говорить по-русски». На следующий день они заговорили с Е.М. Крыжановским по-русски, «хотя и не совсем чисто». Начало преобразования польской гимназии в русскую стало его первым делом в Седлеце. Затем он познакомился с состоянием учебного дела в губернии, особенно в районах проживания местного русского униатского населения. В феврале-марте посетил дирекции разных районов, побывал в городах, местечках и сёлах, осматривал школы, знакомился с учителями, униатскими священниками и населением. Разъезды оказались небезопасными, временами Евфима Михайловича сопровождал военный конвой [23: XV–XVI]. В своих «Письмах из Подлясья» (1867) он отметил, что увидел здесь «сухие русские кости», но также и признаки не совсем угасшей русской жизни [24: XXXIX–XL].

После Пасхи он перевёз из Киева в Седлец жену с сыном. В мае Е.М. Крыжановский и Ф.Г. Лебединцев (1828–1888) были вызваны в Варшаву для участия в комиссии по устройству учебной части среди униатов Холмщины и Подлясья. Здесь князь Черкасский предложил Евфиму Михайловичу должность вице-директора отделения духовных дел в правительственной комиссии внутренних и духовных дел. Однако Е.М. Крыжановский отклонил предложение, решив продолжить свою деятельность в Седлеце. При преобразовании в г. Беле уездного училища в русскую прогимназию он привлёк своих сослуживцев и выпускников Киевской духовной академии, а также выпускников Киевского Императорского университета Святого Владимира. Он устроил в сентябре в Беле съезд учителей начальных школ из трёх уездов. Прибыли до 60 униатских учителей и соискателей, среди них были и дьяки униатских церквей. С помощью представителей Киевской духовной академии он провёл с прибывшими обучение русскому языку и методам обучения, а с некоторыми и пению. Обученные учителя после испытания получили назначения 28 сентября. 29 сентября состоялось открытие прогимназии, и на церковном служении в униатской церкви по нотам Бортнянского пели только что обученные учителя. «Это неслыханное в униатских церквях пение произвело сильное впечатление». В день открытия в прогимназию поступило 124 ученика. На следующий день стало уже 140 учеников, позже – 156. Открытие прогимназии «встречено с доверием, особенно со стороны крестьян» [23: XVI–XIX].

Перед Евфимом Михайловичем стояли задачи преобразования седлецкой гимназии в русскую греко-униатскую, бельской прогимназии – в гимназию, учреждение в Седлеце женской гимназии, а в Беле – русских педагогических курсов [23: XX]. Он постоянно посещал школы Седлецкого уезда. «Борьба за религиозные и педагогические идеалы, различные огорчения и неприятности подорвали и без того слабое здоровье» [26: 969].

Школьное дело Е.М. Крыжановский связывал с церковным, считая, что воссоединение церковное надо готовить через школы. Он считал вредными для дела «проявлявшиеся местами преждевременные порывы излишнего усердия к этому делу со стороны местных деятелей» [23: XIX]. По его мнению, надо сохранять связи новой русской начальной школы со старой униатской, с местной церковной средой, чтобы «надёжнее и ту и другую направлять на новый путь» [23: XVII].

В то же время успехи «русского дела и русского образования в крае» вызывали противодействие со стороны поляков и польского духовенства во главе с епископом Шиманским и среди ополяченных и

окатолических униатских священников, поддерживаемых холмским униатским епископом Калинским. Противодействие им тоже подтачивало здоровье Е.М. Крыжановского [23: XXI].

В это время усилилась болезнь жены Евфима Михайловича. Летом 1866 г. Е.М. Крыжановского поехал с ней на минеральные воды в Шавинце (Западная Галиция). На обратном пути побывал в «нескольких русских деревнях Галиции и затем во Львове». Здесь он встретился с униатским митрополитом Спиридоном Литвиновичем, «который сначала очень резко и запальчиво говорил о новых действиях русского правительства по отношению к униатам холмским и подляским, но обезоруживаемый умными и твёрдыми ответами Евфима Михайловича растрогался до слёз» [23: XXI–XXII].

К концу 1866 г. число училищ в Седлецкой губернии превысило 100, из них 77 было униатскими. В них обучалось до 3 780 учащихся, в т. ч. было открыто или преобразовано несколько двухклассных училищ. Е.М. Крыжановский ввёл правило в переписке с учителями, священниками, войтами и бургомистрами употреблять древнерусские названия населённых пунктов вместо искажённых на польский лад, введённых позднее. В конце 1866 г. были открыты педагогические курсы в Беле [23: XXII].

В 1866 г. ушёл в отставку с поста главного директора правительственной комиссии внутренних дел в Царстве Польском (1864–1866) князь В.А. Черкасский. После ссылки в сентябре 1866 г. Калинского и подготовке к новой канонизации Кунцевича в крае начались волнения униатов. Действия гражданских и военных властей были не всегда умелыми, как неоднократно отмечал в своём дневнике Е.М. Крыжановский. В 1867 г. ухудшилось состояние его жены. Она умерла 4 августа. Евфим Михайлович слёг на продолжительное время. Вернувшись к работе, он открыл женскую гимназию в Седлеце [23: XXIII–XXV]. В марте 1869 г. врачи настояли на отпуске для лечения и он уехал лечиться в Швейцарию. Болезнь обострилась, и он только 24 сентября смог выехать в Россию [23: XXVI–XXVII].

Во время семилетней службы в Седлице Е.М. Крыжановский начал заниматься историческими и этнографическими исследованиями, знакомясь во время своих служебных поездок «с местными преданиями, обычаями, говорами и песнями, и вообще разными бытовыми чертами населения». Изучал он и «остатки православной старины и русской народности в населении края». Он поощрял учителей народных школ собирать народные песни, предания, описывать быт народа. Е.М. Крыжановский считал, что эта работа имела большое воспитательное значение для учителей. Он хотел издать сборник местных народных песен [23: XXVII–XXVIII].

В этот период Евфим Михайлович опубликовал ряд своих работ. В 1867 г. в «Киевских епархиальных ведомостях» вышли его «Письма из Подлясья» (№ 15–17, 19 и 20) с «Послесловием» к этим письмам (№ 21). В 1868 г. в «Русском вестнике» за январь и май, а также в холмском греко-униатском месяцеслове (в извлечении) за 1868 г. была опубликована статья «Униатские волнения на Подлясье». В 1870 г. в холмском греко-униатском месяцеслове появилась статья «Несколько документов, относящихся к переходному состоянию Подлясья после Брестского собора 1595 г.» [23: XXVIII–XXIX].

С 14 сентября 1871 г. Е.М. Крыжановский перешёл на службу в Варшаву, став директором первой мужской классической гимназии и заведующим первой женской гимназией. На этой службе он пробыл более 12 лет, до 3 октября 1883 г. По состоянию здоровья брал продолжительные отпуска. В 1871 г. взял полугодовой отпуск для поправки здоровья, в 1874 г. уехал на два месяца для лечения за границу. В 1872 г. Евфим Михайлович женился на старшей дочери С.С. Громеки – Марии Степановне [21: 7; 23: XXIX–XXX; 26: 969]. У них родился сын [26: 969]. В 1878 г. Е.М. Крыжановский стал действительным статским советником [23: XXXII].

Во время службы в Варшаве Е.М. Крыжановский написал ряд работ по истории Привислянского края: «Русские школы и обучение русскому языку в Привислянском крае до издания указов 30 августа 1864 г.» (ЖМНП, 1875, апрель, май); «Учебные заведения в русских областях Польши в период её разделов» (Киевская Старина, 1882, № 2, 3); «Материалы для истории народного образования» (Киевская Старина, 1882, № 5, 6); «Князь В.А. Черкасский и холмские греко-униаты» (Холмско-Варшавский вестник, 1879, № 9–12, 16 и 17 и 1882 г. в виде прибавления) [23: XXXII–XXXIII]. Этот материал навлёк на автора неприятности. В характеристике и оценке данных событий «почувствовалась критика современности» [24: XLIV].

Не мог Е.М. Крыжановский остаться в стороне от движения воссоединения униатов с православной церковью, высказав свои суждения по данному вопросу. Он считал, что в этом деле надо дать больше участия существующей в крае православно-русской епархии [23: XXX]. Он, помимо успехов русского дела в крае, видел и недостатки, особенно в учебном деле, не отвечавшем местным потребностям. В 1881 г. написал «Записку об униатском деле в Привислинском крае» и подал её обер-прокурору Священного синода, приехавшего в Варшаву ознакомиться с униатскими делами. Записка привлекла внимание К.П. Победоносцева «ясностью и художественностью изложения и тем духом искреннего убеждения, каким была проникнута». По мнению И.П. Филевича, «она даёт ключ к пониманию тех

печальных недоразумений, какие разыгрались на почве Холмской унии» [24: XLIV]. Однако в Варшаве суждения Е.М. Крыжановского посчитали вмешательством не в своё дело, именем министра и обер-прокурора ему пригрозили увольнением. В октябре 1883 г. он вышел в отставку [23: XXX].

Несмотря на то что пенсия Евфима Михайловича составила 2 500 руб., вместо безбедной и спокойной жизни он решил продолжить работу в духовном ведомстве. В ноябре 1883 г. в докладной записке обер-прокурору Святейшего синода он написал, что «желал бы вновь посвятить свои силы на пользу св. Церкви, с детства его призревшей и воспитавшей» [23: XXXII, XXXIV; 24: 969].

В ноябре 1883 г. был назначен членом учебного комитета при Святейшем синоде, переехав в Санкт-Петербург. В 1885 г. стал членом вновь учреждённого Училищного совета при Святейшем синоде. Участвовал в работе по переустройству духовных семинарий и «созидании вновь возродившейся церковно-приходской школы». В конце ноября Евфиму Михайловичу дано было поручено собрать и привести в порядок все постановления и распоряжения по делам православных латышей и эстонцев. В конце 1883 и 1884 гг. он посещал Псков и Ригу, побывал в других населённых пунктах остзейского края, изучал документы в архивах. Итогом исследования стали записка о смешанных браках и более обширная: остзейский вопрос и православие. Обе были напечатаны по распоряжению обер-прокурора Святейшего синода небольшим тиражом и предназначались для учреждений и заинтересованных лиц. Уделил он внимание и изучению постановке религиозного и педагогического дела в чешских колониях Волынской губернии. Летом 1886 г. совершил командировку на Волынь. Его труды и разъяснения по данному вопросу способствовали подчинению школ в чешских колониях Министерству народного просвещения и «стремлению чехов к православию». По этому вопросу тоже была составлена историческая записка «Чехи на Волыни», напечатанная небольшим тиражом. Последней его деятельностью стала подготовка торжественного празднования 900-летия крещения Руси в Киеве, которые прошли с 11 по 17 июля 1888 г. [23: XXXIV–XXXIX; 26: 969–970].

В 1885 г. Е.М. Крыжановский издал в Санкт-Петербурге подготовленное в последние годы службы в Варшаве исследование «по вопросу о древнейшем племенном характере Холмско-Подляшского края» «Забужная Русь» [24: XLV]. Также он написал ряд статей по педагогике о преподавании известных предметов в семинариях и начальных школах, обзоры педагогической литературы, отзывы об отдельных книгах, преимущественно учебниках. Часть из этих работ осталась в рукописях, другие были опубликованы, в основном, в

журнале «Церковно-приходская школа», который стал издаваться в Киеве с 1887 г. [23: XXXVI].

Умер 26 июля (7 августа) 1888 г. в Феофании, в пригороде Киева, на даче епископа Чигиринского Иеронима (Экземплярского) от «паралича сердца». Был похоронен на Шекавицком кладбище в Киеве, перед могилой своей первой жены, напротив могилы своего сослуживца по академии и в Царстве Польском Ф.Г. Лебединцева, скончавшегося на 4,5 месяца раньше. На заупокойной литургии и похоронах присутствовали его вторая жена, 14-летний младший сын, старший брат Григорий, бывшие сослуживцы по академии, друзья и знакомые [23: XLV–XLVI, 26: 970].

В некрологе, напечатанном в «Церковных ведомостях», подчёркивалось: «И семья, и церковь, и государство потеряли доброго и честного человека и талантливого труженика. Красною нитью через всю эту многополезную жизнь проходит горячая любовь к св. церкви и борьба за наше родное русское православие <...> Его значение и труды оценит будущее, когда будет писаться документальная история нашего многострадального отечества» [26: 970].

Константин Петрович Победоносцев высоко ценил Крыжановского и после его смерти написал о нём: «После того, когда Крыжановский оставил должность директора гимназии в Варшаве, я предложил ему занятие по синодальному управлению. С этой минуты я приобрёл в нём сотрудника драгоценного, каких иногда, но очень редко, посылает бог лицам, заведующим отдельным управлением. Он был человек честный, в полном значении этого слова, бескорыстный, нелестный и не льстивый, отдававшийся всей душою и всеми помыслами делу, в которое верил и в котором видел правду. Притом по природе своей он был православный русский человек, духом горящий и исполненный любви к своему народу; он чуял сердцем живую правду и умел её отыскивать в истории и в организации всякого русского дела. В этом помогала ему замечательная талантливость, соединённая с серьёзным знанием и с трудолюбием необычайным» [23: XLVIII–XLIX].

Евфим Михайлович был автором многочисленных работ, посвящённых русской церковной истории, вопросам образования и бытовых очерков, большинство из которых было издано в Киеве в 1890 г. в виде трёхтомного собрания сочинений [4–6]. Сочинения появились в свет по инициативе обер-прокурора Святейшего синода [23: XLVIII]. Учитывая, что в начале XX в. сочинения Е.М. Крыжановского стали библиографической редкостью, И.П. Филевич в 1911 г., во время обострения дискуссии по холмскому вопросу, переиздал работы Е.М. Крыжановского по униатско-русинской проблематике края [18].

Биографические данные об учёном содержатся в предисловии к первому тому его собрания сочинений [23], в предисловии И.П. Филевича к изданию трудов Е.М. Крыжановского «Русское Забужье (Холмщина и Подлясье)» [24], многочисленных библиографических справочниках и словарях [1; 19; 20], некрологах [24]. О детстве и истории рода говорится в статье Е.М. Крыжановского «Украинская деревня в 30-х и 40-х годах (по воспоминаниям детства)» (Киевская Старина, 1882, № 9, 10) [7].

Среди публицистики и научного наследия Е.М. Крыжановского видное место занимает тема Русского Забужья (в основном Подлясья (Подлясья)). В «Письмах из Подлясья» в 1867 г. он писал, что «в пределах и по-за пределами русского государства есть ещё миллионы наших братьев, доселе томящихся в тяжкой неволе униатской». Среди них «два уголка (Холмщина и Подлясье), две горсти их (227 тыс.), находящиеся в пределах России, в руках наших, представляют собою кучи костей русских сухих и мёртвых, разбросанных по пустырям» [8: 589–590].

Подлясье, или Подляхия, – «маленький, самый крайний к западу и едва ли не самый несчастный из всех русских углов, испытавших на себе горькую долю опеки польскоиезуитской». Эта территория наиболее удалена от срединной Руси и наиболее близка к срединной Польше и «от сплошной Руси она отрезывалась р. Бугом и прилегала на западе к сплошному населению польско-католическому, на севере к сплошному населению литовско-католическому». Само название, по мнению автора, не происходит, как считали многие польские писатели, от слов *под* и *ляс* (лес) и означало «страну, граничащую с обширною полосой лесов». Е.М. Крыжановский напоминает, что «древнейшая, русская летопись (волынская) знает только древнюю русскую страну Подляхию (а не подлесье), т. е. страну, находящуюся по соседству с Ляхией, ляхами. По сказаниям этой летописи, Подляхия прежде всех сторон русских подпала владычеству Польши» [8: 590–591].

В Подлясье (по-местному – Подлясье) «вымирала Русь скорее, чем где-либо. Ещё в половине XVI века, когда Белоруссия, Украина, Подолье и Волынь считали в своём дворянстве такие православные роды, как князья Острожские, Вишневецкие, Чарторыйские, Сангушки, Сапегы и тысячи других, на Подлясье не видим уже почти ни одного дворянского православного рода». Поэтому «Подлясье первое из всех литовско-русских земель изъявило согласие на люблинскую унию (1569 г.), и это была единственная между нами сторона, не заявившая никакой оппозиции этой унии, тогда как Литва, Волынь, Украина долго и жестоко упирались против неё» [8: 591].

В XVI в. в г. Янов была учреждена католическая кафедра, в начале XVII в. Краковская академия открыла в г. Беле своё отделение (школы эти в 1865 г. были преобразованы в русскую прогимназию для греко-униатского населения, а в 1866 г. – в русскую семиклассную гимназию) [8: 592].

Автор отметил, что «вырождение Руси на Подлясье шло так успешно, что только особенным каким-то чудом осталось на ней хотя костей русских, недоедков польских, много. Ныне, при помощи Божией, происходит здесь нечто подобное виденному пророком Иезекиилем: эти русские кости, силою духа, пришедшего к ним от востока, севера и юга России, поднимаются с своих мест, собираются в цельные скелеты, на которых заметно показывается тонкою сетью русская плоть, русские жилы...» [8: 592].

Е.М. Крыжановский предложил приглядеться «к этим костям в том положении их, в каком нашла их Россия, после последнего польского мятежа». Прежде всего он рассматривает положение униатской (автор везде употребляет унитской. – С.С.) церкви. В недавние времена пан был «опекуном русского прихода и собственником русского храма (*jus investiturae, jus patronatus*)» и не делая различия между униатским храмом и корчмой, сдавал их в аренду евреям. Этим правом шляхта пользовалась до мятежа 1864 г. Униатские храмы на Подлясье в большинстве своём представляли «ветхие деревянные сараи, с подпорками по бокам, с течью во всех местах». В результате возгорания или полного разрушения старых церквей новые не строились, богослужения совершались в крестьянской избе, как, например, в д. Яблони. С момента унии новые униатские приходы не создавались, зато есть следы уничтоженных приходов и храмов. По этой причине много приходов, состоящих из четырех и более деревень, находящихся на расстоянии 10–12 вёрст от церкви. Некоторые приходы, после сгорания, разрушения церквей, были присоединены навсегда к местным католическим, и униаты-русины становились католиками-поляками. Другие причисляли вместе с униатским священником к местному католическому костёлу (например, в м. Пищаце), и два священника чередовали богослужения. Во многих местах есть годные для богослужения церкви и есть священнические квартиры, но приход и храм приписаны к соседнему, будто «по недостатку священников». В конце 1865 – начале 1866 г. в Холмской епархии на 267 приходов было 62 таких храма. Часто в таких приходах по приглашению униатского священника поселялся польско-католический монах для исправления всех треб. После этого значительная часть униатского прихода (от четверти до половины) переходила в соседний католический [8: 593–594].

В то же время польские католические храмы построены на самых видных местах, «расставлены по-между униатских местечек и деревень, будто крепости» [8: 595].

Униатский храм больше напоминает католический костёл: «Иконостаса нет. В немногих церквах иконостасы поставлены уже по распоряжению русского правительства; но на них смотрят в униатских церквах, как на помеху богослужению, царские врата постоянно отворены, сквозь них в алтарь входят мужчины и женщины. Главный престол, продолговатый, убранный совершенно по католическому миссалу, придвинут к алтарной стене, с амвоном при нём для священника; над престолом *монстранция*, повыше её на стене храмовая икона. Направо и налево по сторонам церкви ещё несколько таких же престолов. Средине церкви уставлена простыми лавками, немного чище лавки около самого престола; при каждой из лавок убогие хоругви с изображениями на них святых реформатов, бернардинов, капуцинов и под. или Иосафата Кунцевича с топором в голове. На всех иконах не встретите изображения в восточном характере; святители: Николай чудотворец, Васили Великий и Онуфрий Афонский – единственные святые восточной Церкви, встречаемые на иконах в униатских церквах, пишутся так, что истинный сын восточной Церкви не примет их за иконы. Клироса нет, на хорах орган. Всюду в храме убожество» [8: 596–597].

Крестятся пятью пальцами, кто на правое, кто на левое плечо, сам униатский священник бритый, стриженный, как ксёндз польско-католический. Говоря о самом богослужении, автор отмечает: «Если вы видели кривлянья польско-католического ксёндза на кафедре, то вам грустно становится от этого обезьянства пред ним униатско-русского священника». В то же время ряд папских булл предписывал русским униатам соблюдать в точности и неприкосновенности восточные обычаи и обряды [8: 597–599].

Многие церковные праздники, напоминающие православную церковь, «или изгнаны из календаря, или изменены в своей мысли». В частности, «вовсе уничтожены праздники: Иоанна Богослова (8 мая), Перенесение мощей св. Николая (9 мая), Усекновение главы Предтечи (29 августа); ослаблено значение Покрова Пресвятой Богородицы и Трёх Святителей – столпов восточной Церкви. Совершенно изменена мысль праздника Богоявления, униаты знают в этот день только праздник “Тшех крулюв” (как у католиков) и не совершают торжественного освящения воды» [8: 610].

Описывая быт униатского священника, Е.М. Крыжановский отмечал, что дом и усадьба униатского священника «имеет тот же характер, который имеют дома низших панков в юго-западных губерниях».

«Покуй» (комната) увешана «разными убогими литографиями». Среди них – портрет Костюшко, генерала Понятовского, Мицкевича, папы римского и т. д. Мать священника – «истая полька», «хотя была униаткой» и иногда напоминала, что она «из русинок». На десятом году он поступал в «школу обводову» (уездное училище, воеводства делились на обводы (области) – С.С.), где для католиков и униатов был один законоучитель – католический священник, на том основании, что уния и католичество «то вшистко едно». По окончании поступали в Холмскую семинарию, профессора которой были из воспитанников варшавской римско-католической академии. Курс в неё был такой, как и римско-католических семинариях. Из преподаваемой истории римско-католической церкви «узнавали» об унии: «Русь приняла христианство от востока в то время, когда в Церкви Христовой не было ещё разделения, и вся она находилась под главенством папы. Потом греки отпали от Церкви Христовой (!), явилась схизма». Схизма начала поднимать свою голову на Руси, Брестский собор положил конец этим интригам. «Потому-то здешние униаты считают брестский собор ничего не значущим для них, непрерывных униатов и после тридентского своего (!!) собора непосредственно полагают собор замойский» [8: 611–615].

Гражданскую историю Руси семинаристы знали по учебникам истории Польши: Москва – общий враг русинов и поляков, ляхи и русины имели первоначально один язык, потом стали появляться наречия, в т. ч. и малорусское (русинское), и т. д. [8: 615–616].

Говоря об униатской пастве, автор отметил, что она принадлежит «к самым низшим классам: мещанству и крестьянству». Униаты – «самое бедное население края». На Подлясье раньше, чем в других принявших унию регионов, «средней руки дворянство перешло в латинство», а высшее переходило из него сразу из православия. Каждый униат, получивший возможность выйти из крестьянства, мещанства и духовенства, «выходил как бы за черту и становился латинником и поляком». «В этом убогом и тёмном мире унии существует, к сожалению, одно разделение, именно на более и менее ополяченных и латинизированных». К первым принадлежит почти всё мещанство. В большинстве местечек униаты уже давно забыли родной язык. Семьи священников и «все образованные униаты молятся только по-польски». В униатской деревне, вглядываясь в народ, именуемый шляхтой «хлопами» и «быдлом», видно, «что польщизна и латинство как туман окружили его и как повой обвили и связали его, но они не успели задавить в нём природных начал его, корень Руси остался здесь живым и здоровым, способным вырастить из себя крепкое дерево» [8: 633, 635–636].

В послесловии к своим пяти письмам из Подлясья исследователь отметил, что «уничтожение русских костей и затирание следов их в Холмской епархии особенно развилось и производилось с лихорадочным усилением со времени усмирения польского мятежа 1831 года и воссоединением белорусских униатов с православной церковью в 1839 году» [8: 646]. С одной стороны, к 1840 г. русское правительство достигло того, что почти всё делопроизводство и преподавание в гимназиях перешло на русский язык, с другой – «русский язык окончательно изгоняется из церковных актов униатско-русских, русские церковно-приходские училища совершенно исчезают и заменяются польскими, в семействах русских священников не слышится более русское слово, в семинарии Холмской, вместо прежнего преподавательного латинского языка, решительно и исключительно остаётся язык польский» [8: 647]. Говоря о «братии капланов униатских», автор написал, что мятеж 1863 г. дал ответ на вопрос, «кто более поляк в высшем смысле – униат или католик». Обе стороны поучаствовали в нём: ксёндзы польские принадлежали больше к партии *красных*, ксёндзы униатские склонялись больше к партии *белых*, хотя некоторые из них «отличились во время мятежа довольно *красными* делами» [8: 652].

В 1868 г. Е.М. Крыжановский опубликовал статью «Волнения униатов на Подлясье». Сподвигло его на написание данного материала появление в некоторых русских газетах высказываний, что «униатское дело на Подлясье» выразилось «не только упорною оппозицией требованиям правительства со стороны униатского духовенства, но даже волнениями в народе». Предоставляя «фактическое изложение» этих событий, автор напоминает, что они «приготовлены были не днями и месяцами, но несколькими годами, и обуславливались особенным положением Подлясья в сравнении с другим униатским уголком в пределах России – Холмщиной». Обзором положения подлясских униатов он и начинает статью [9: 5]. Сам материал о волнениях униатов написан, по словам автора, «по подлинным документам о нём, по рассказам лиц, имевших непосредственное отношение к делу, в том числе отца протоиерея Попеля» (о. Маркелл Попель (1825, Галич, Австрийская империя – 1903, Санкт-Петербург) в конце 1866 г. по приглашению Комиссии внутренних и духовных дел Привислинского края переехал в Холм. – С.С.) и по его личным наблюдениям [9: 62].

Подлясские униаты населяли Бельский, Константиновский, Владынский, Радинский, Соколовский и отчасти (два прихода) Седлецкий уезды Седлецкой губернии и составляли почти половину населения Холмской греко-униатской епархии [9: 5]. Исследователь отметил, что «вековой задачей полоно-латинизма по отношению к униатам было проникнуть в самое сердце уни и окончательно слить её с собой».

Под видом исправления униатских книг, которые не отличались от православных, и устройства униатской церкви, Замойский собор (1721) «положил начало изгнанию из униатства духа восточной Церкви и замене его духом чистого латинства, а равно и переустройству по образцу латинства униатской иерархии и всей церковно-униатской практики». Всё это было в руках иезуитов, и уже во второй XVIII в. появились «униатские» богослужебные книги, а в конце этого же века «всё униатское духовенство было уже обрито, острижено, переодето в латинских ксёндзов и само начало копировать в своей церковной практике этих последних» [9: 7–8].

Одновременно шла полонизация: «Создав издавна особое название *рутенов, русинов*, в отличие от московитов, россиян, польские изобретатели басен твердили русским о трех братьях Лехе, Русе и Чехе, основавших первоначальное, под гегемонией старшего брата Леха, Польское государство, когда *Московии* и *россиян* не было ещё на свете. *Ляхи* и *русины* долго-де жили между собою мирно и любовно, как два родные брата, пока жадная Москва не внесла раздора в братские чувства их. Несмотря на этот случайный раздор, общая мать – святая Польша продолжает соединять их самыми твёрдыми узами родства: ляхи и русины составляют только две ветви одной семьи, одного народа – польского; русинский и ляшский (мазурский) языки представляют только наречия одного общего им языка – польского, который есть не что иное, как образованный язык того и другого наречия». Эта система окатоличивания и ополячивания «с особенными усилиями и с особенным искусством приводима была в исполнение после двух решительных ударов, нанесённых Россией Польше в 1831 году и унии в 1839 году» [9: 8–9].

При русском управлении польско-католическая пропаганда достигла «смелых целей». В Холмской семинарии преподавание велось на польском и латинском языках, «к русскому языку возбуждаемо было в семинаристах отвращение. Также было и с преподаванием в отдельных народных училищах «на природном языке жителей», установленном правительством с 1846 г. Оно существовало только на бумаге. Частных, т. н. дьячковских школ в униатских приходах, в которых дьяки действительно обучали «на природном языке жителей», к 1831 г. не осталось ни одной. С того же времени в церковных приходах прекратили вести церковные акты на русском языке, хотя до этого старые униатские священники часто вели их на своём языке. Внутренний вид униатских церквей преобразуется по образцу католических, заводятся органы, «вместо акафистов, молебнов и старых славянских песней вводятся повсюду *польские рожанцы, литании, годинки, горькие жали, коронки* и т. п.».

В 1861–1863 г. «совсем начало гибнуть в наших церквах наше славянское слово» [9: 8–11].

Ополячиванию и окатоличиванию Подлясья способствовало его положение. Край, в XII в. присоединённый к Польше, с запада окружён мазурским населением, с севера – литовско-католическим, с востока – гродненским болотами и недалеко находится от центра исторической Польши – Варшавы. В крае всегда «слабее чувствовалась связь русского народа со своим прошедшим, и скорее, чем в других сторонах вымирали русские дворянские роды и русские народные предания. Подлясье первое из всех литовско-русских областей изъявило беспрекословное согласие своё на Люблинскую унию (1569 г.). Здесь не видно никаких следов борьбы за православие после Брестского собора (1595 г.)». В соседней Холмщине, граничащей с Волынью и Галицией, которая была некоторое время центром южнорусской жизни, сохранились предания о Данииле Галицком, его сыновьях и преемниках, имевших в Холме стол и здесь погребённых [9: 11–12].

Почти четвёртая часть подлясского духовенства, отметил автор, ополячена. Другая часть, не сильно многочисленная, называется своими товарищами «добрыми униатами». Люди, преданные унии, как её трактуют иезуиты и базилиане: уния идёт от самого Христа, а православие – отщепенство, схизма. Третья, самая многочисленная часть, почти половина всего униатского духовенства Подлясья, была безразлична ко всем вопросам, волнующим униатство. Четвертую, немногочисленную партию составляли дети и внуки старых простых униатов, любивших родной язык, родные обычаи и «деливших свою жизнь только с своим приходом. Эти священники – «наша надежда на постепенное обновление и возрождение униатства». Эта партия «опирается на очевидные потребности народа и предания *старцев униатских*» и может увлечь за собой группу «добрых униатов» и, «развивая силу и смысл своих начал, может постепенно покорять себе и партию безразличных» [9: 12–16].

Говоря о «массе сельского народа», которая «колени преклоняется, бьёт себя в грудь, вздыхает в молитве, простирается *крыжем* по-католически, посещает латинские отпусты», «слабо помнит предания, пугливо глядит за Буг – но твёрдо выговаривает своё название русин и смотрит на поляков, как на врагов своих». Как отмечает автор, «она признательна *Русскому своему Царю* не за наделение её только землёй, но и за избавление её *от ляхской неволи*. Она предана Царю до того, что иногда выражается: “хотелось бы умирать в своей вере, но если бы *Царю* угодно было иначе, то так и случилось бы”. В своей среде она продолжает называть священников *попами*, несмотря на

старание духовенства, поляков и их приверженцев заменить название на «ксёндз». Эта масса продолжает чтить свои народные «*свята*» и «подобно всем южно-руссам, располагает по ним свои годовые занятия (*Семён, Покрѳва, Юрий, Онуфрей* и др.), хотя ксёндзы не празднуют этих свят в церкви и заменяют их в своём быте *Михалами, Мацеями, Станиславами, Марцинами* и под. Неверно полагать, что эта масса предана «органам, польским религиозным песням и польским проповедям». В некоторых местностях выступления против органов были так сильны, что священники могли преодолеть их только «отлучением упорных от причастия» [9: 18–19].

Учитывая вышеперечисленное, польско-католическая пропаганда «не напрасно избрала его центром своих подготовительных работ уничтожению унии». Латинская кафедра в Янове, благодаря её епископу Вениамину Шиманскому, «пользуясь отдалённостью Холма от Подлясья, успела упрочить своё влияние на подлясских униатов». Шиманский «посылал от себя выговоры *неблагонамеренным*» униатским священникам. «С целью привязать униатов к латинской кафедре, Шиманский, вместе с графинями Потоцкой, Александрович и другими, торжественно перенесли из Рима в Яновскую кафедру кости головы Виктора, будто бы поляка, замученного в IV веке, и с утверждения папы провозгласили его «патроном Подлясья». Затем по инициативе Шиманского при содействии тех же магнатов была «устроена была манифестация в честь Кунцевича, «патрона Литвы и Польши». За 2 700 руб. серебром была написана картина, «представлявшая убийство Кунцевича *москалями-схизматиками*; для мощей его сделан был стеклянный гроб. В бельской униатской церкви гроб этот поставлен был вместо главного престола (мощей не успели переложить в него), а над ним на стене повешена была картина – на поучение всех униатов!». Перед народом произносились объяснительные проповеди, раздавались маленькие бумажные изображения Кунцевича с топором в голове и «с подписями, призывающими униатов отмстить *схизматикам* за его кровь» [9: 20–22].

Графиня Александрович добилась назначения Иоанна Калинского, священника из местечка Константинов (своего имения), викарием (1863–1866), несмотря на протесты холмского униатского духовенства. После смерти епископа Терешкевича накануне мятежа, с титулом номината (наречённого) его назначили на кафедру Холмскую, опять же вопреки протестам холмского духовенства. Во время польского мятежа 1863 г. Калинский поддерживал от имени униатского духовенства «польские стремления». «Введение латино-польских обычаев в униатских церквях пошло быстрыми шагами» [9: 23–25]. Калинский рассылал своим приверженцам секретные циркуляры и письма, в

которых утверждал, что русское правительство решило обратить униатов в схизму [9: 27].

После подавления мятежа русское правительство готово было «забыть прошлое» и даже Калинский два с половиной года оставался на своём месте, «пока не были истощены все средства к его вразумлению». Правительство продолжило выделять значительные средства на образование униатов: действовало девять учебных заведений, ежегодно 20 тыс. руб. выделялось на стипендии в гимназиях и университетах, 40 тыс. руб. – для выпуска пособий для начальных школ, помогало с постройкой и ремонтом церквей, назначало содержание духовенству. Единственное, что требовало правительство: введение русского языка в школе и церковной проповеди. Но партия униатских полонофилов продолжала своё противодействие [9: 28–29]. Те же священники, которые были готовы «содействовать русскому обучению», беспокоились, чтобы униатов не отдали снова «в опеку полякам». Ведь в 1846 г. правительство требовало проводить обучение униатов «на природном языке», а в 1862 г. в училищном уставе постановили обучать в этих училищах только на польском языке [9: 30].

В апреле 1866 г. всем униатским священникам были разосланы, по распоряжению наместника Царства Польского, в качестве пособия к употреблению народного наречия в крае, изданные в Галиции с одобрения перемышльского епископа проповеди перемышльского униатского священника Добрянского, для того чтобы священники вели проповеди на русском языке или народном наречии. Большинство подляских священников возвратили эти книги уездным начальникам, отписавшись, что гражданская власть не имеет право вмешиваться в церковные дела и они не могут принять эти книги без разрешения духовной своей власти и утверждения их папой. Новый седлецкий губернатор С.С. Громека написал от себя всем этим священникам, что проповеди Добрянского разосланы «не для непременного употребления их в церквях», а для руководства по введению в проповедях народного говора, и снова выслал книгу. Все священники, получившие письма, снова выслали книги проповедей обратно с теми же объяснениями, с добавлением, что они не знают русского языка [9: 35–36].

Ряд священников не только прияли проповеди Добрянского, но и стали произносить их на народном говоре, за что «подвергались преследованиям и оскорблениям со стороны товарищей, которые даже вооружали против них прихожан их молвой, будто эти священники хотят “запродать веру”». Одного из таких священников Павла Лонцкого номинат сместил на другой приход [9: 37].

11 сентября 1866 г. Калинского сослали на жительство в Вятку, управлять Холмской епархией стала консистория под председатель-

ством священника Иосифа Войницкого. Если в Холмщине только два священника из самого Холма высказались против высылки, то на Подлясье сложилась иная ситуация. Пять дочерей Калинского, католички, стали разъезжать по краю, посещая братьев и других родичей, собирая священников, «рассказывали небылицы про обстоятельства ареста своего отца». Были созваны секретные съезды, где было решено не рассылать священникам консисторский циркуляр об удалении номината, были составлены письма от всех благочиний на имя наместника Царства Польского о том, что духовенство не подчинится данному решению, т. к. оно якобы не соответствует канонам Триденского собора, произведено без согласия папы, и просило отменить решение. Администрация, в свою очередь, узнав о съезде и решении Бельского благочиния, арестовала инициатора собрания, зятя номината священника Калиновского и выслало дочерей Калинского на жительство в Сувалки, назначив им содержание по 100 руб. серебром ежемесячно. После этого подляское духовенство успокоилось, письма не были посланы. Калиновский раскаялся в своём поступке и стал подчиняться консистории. После известия о смерти номината полоно-униатская партия «ещё более притихла» [9: 38–39].

Вскоре произошли важные события для края: разрыв конкордата с папой¹, болезнь статс-секретаря по делам Польши Н.А. Милютина, оставление князем В.А. Черкасским должности главного директора правительственной комиссии внутренних дел в Царстве Польском. Среди униатского духовенства стали распускаться слухи, что разрыв конкордата дело временное, а уход В.А. Черкасского означает «поворот назад», что одним вскружило голову, других сбilo с пути. Невысланные обращения были поданы наместнику, который распорядился арестовать главных виновников и поручил жандармерии провести расследование. В ходе его выяснилось, что обращения «поданы были несколькими лицами из каждого благочиния без согласия и даже без ведома многих священников». Наказание виновным было мягкое, правительство по-прежнему пыталось вести себя терпеливо, поверив в искренность раскаяния [9: 39–40].

11 марта 1867 г. (автор ошибочно поставил 1866 г. – С.С.) Холмская консистория издала «Окружное послание», в котором «приглашала униатское духовенство к очищению униатских обрядов от нововведений, никакою властью не подтверждённых, причём постановила прекратить игру на органах и пение польских песен и указала проповеди произносить на языке русском». Часть священников приняла это послание, и в разных приходах Подлясья послышалась русская проповедь и богослужение без игры на органах. Но враждебная партия воспользовалась случаем, употребила все усилия, чтобы

возбудить противодействия предписаниям консистории, и достигла своей цели». Некоторые священники, ранее признававшие власть консистории, и все шесть священников Соколовского благочиния не захотели расписаться в получении послания, заявили прямо или косвенно, что они не признают власть консистории. Другие ограничились тем, что перестали вести проповеди или проводили одну-две по-русски, некоторые, произнося проповеди по-русски, оставили органы и польские песни или, прекратив пение польских песен, вели проповеди на польском языке. Так же поступили и с циркуляром наместника от 11 мая о совращённых из унии в латинство, который был подтверждением прежних правительственных распоряжений, вызванных просьбами холмских епископов [9: 40–41].

В свою очередь, седлецкий губернатор предложил переместить неблагонадёжных священников к границам Галиции и Волыни, в более безопасные от волнения места, заменив их священниками из Галиции. В марте 1867 г. в Подлясье появился первый галицкий священник о. Макарий Хойнацкий, назначенный в деревню Цицибор. Вначале ему пришлось нелегко из-за распускаемых слухов, что он переодетый священник из Курской губернии и «ломает веру». Такое же отношение ряда прихожан испытали и другие священники, ведшие проповеди на русском языке. Однако Холмская консистория вновь направила несколько посланий, повторявших прежние требования. Обязанность исполнения данных распоряжений лежала на местной администрации. Седлецкий губернатор созвал совещание всех благочинных Подлясья, на котором было решено назначить срок для исполнения требований консистории до 23 июля, после чего священники, не выполнившие его, будут удаляться из своих приходов, а на их место приглашаться священники из Галиции. Консистория одобрила это срок и ходатайствовала о распространении его и на Люблинскую губернию [9: 41–43].

Этим воспользовались польско-католические силы, своей агитацией спровоцировав волнения, которые охватили до 30 приходов Седлецкой губернии из 110. Волнения начинались по одинаковому сценарию: не слыша при богослужении игры на органах и видя, что проповедь ведётся на русском, прихожане, в основном женщины, поднимали шум и крик, ругали священника и дьяка, запирали церковь, не впускали в неё никого. Сами собирались периодически на церковном погосте, пели польские песни и говорили, что «веру их ломают и вводят православие» [9: 44]. Как вспоминал автор, в местечке Влодаве, «не ограничиваясь собраниями около церкви, женщины бесчинствовали на улицах, около квартиры уездного начальника; напали на магистрат и избивали магистратского сторожа». Мужчины

во время волнений появлялись редко, «высылая для манифестаций женщин, большею частью с детьми на руках или беременных, дабы затруднить действия полиции. По домам ходили агитаторы, призывая принимать участие в волнениях, посылали своих представителей в соседние приходы. Причём все беспорядки производились мещанами, «крестьянское же население местечка оставалось равнодушным и даже не являлось на погосте во время манифестаций». Были также случаи нападений на священников, дьяков, полицейских. Волнения в большинстве начались в приходах священников, которые противодействовали администрации и консистории. Во время волнений они продолжали агитацию среди прихожан. К примеру, священник Заткалик из деревни Рожанка долгое время отказывался от проповедей на русском языке. Затем в первой такой проповеди он заявил: *«По воле начальства, начинаю говорить проповеди на вашем наречии. Между вами ходит слух, будто я подкуплен (?). Но я не продам своей веры (?) и буду поступать так, как вы пожелаете»*. Некоторые священники, «смиранные в начале волнений, раскрыли себя вполне, когда волнения усилились, и, по мнению их, сделались грозными». Эта партия священников рассылала «ругательные безымянные письма» администрации и консистории, разбрасывала прокламации на польском языке. Священникам «полоно-униатской партии» помогали жены и дочери, среди которых много было «довольно чистокровных полек-католичек» (подробнее: [9: 45–55]).

После первых же донесений о начавшихся 23 июля 1867 г. беспорядках губернатор лично отправился «для ближайшего осведомления о них и принятия на месте мер к успокоению народа». С этой же целью были направлены в разные места «штаб-офицер по земской страже и чиновник особых поручений. При этих первых опытах успокоения народа выработались и те инструкции, которые были разосланы уездным начальникам». В инструкциях предписывалось, «при увещевании»: стараться устранить из толпы поляков; не вступать в беседы с целой толпой и женщинами, приглашать для этого стариков и более разумных хозяев; в религиозные беседы вступать с народом только когда он сам требует этого и готов выслушать объяснения, не вступать в препирательства; при необходимости ареста не арестовывать в толпе, подождать, пока она разойдётся; стражникам применять физическую силу только при защите от явного нападения. В последующих циркулярах предписывалось не отступать от инструкции, не вступать ни в какие религиозные объяснения с народом [9: 55–56].

Во время первой своей поездки для успокоения народа седлецкий губернатор предлагал выбрать из своей среды депутатов и послать их в Галицию, чтобы убедиться, что уния не требует песен и проповедей

на польском языке и что решение консистории «не ломает тем веры униатской, но, напротив, заботится об очищении и установлении её». Это предложение повторяла администрация «во всех волновавшихся местностях». Однако участники выступлений в большинстве местностей к этому отнеслись равнодушно [9: 56–57].

В некоторых местах через наиболее влиятельных представителей удавалось убедить народ, что правительство «и в помышлении не имеет ломать униатскую веру». Когда даже размещение войск «не прекращало беспорядков, тогда на жителей налагалась обязанность содержать за свой счёт войска, а затем и денежные штрафы». В конце сентября порядок был восстановлен, и войска возвратились на свои постоянные квартиры. 8 сентября консистория предписала вынести органы из всех церквей. Седлецкий губернатор дал указание уездным начальникам и стражникам ограничиться наблюдением, чтобы не появились снова подстрекатели и волнения, и запретил им участвовать и присутствовать при снятии органов. Также губернатор попросил Холмскую консисторию издать окружное послание, в котором разъяснялось, что эти меры не направлены на уничтожение унии, командировать своего члена в успокоенные приходы для объявления народу этого послания [9: 58–59].

Послание появилось 8 сентября, а 12 сентября протоиерей о. Маркелл (Попель) прибыл в Подлясье и до начала октября вместе с благочинными совершал свои поездки. Священник, как упомянул Е.М. Крыжановский, имел обширные знания по церковной истории и обрядности. Также он обладал «теми достоинствами, которые так желательны от учителя религии и благодаря которым слово его к народу и к духовенству было со властью и убеждением». Перед оглашением послания он разъяснял все сомнения, на собраниях окрестных священников и частных беседах с народом отвечал на все их возражения. Только в двух местах (в деревне Груде и городе Влодаве) столкнулся с оппозицией со стороны священников, которую удалось преодолеть в результате разъяснений. В окрестностях Рудна, Гуси, Радча и др. к концу сентября возвратились посланцы, побывавшие в Галиции, и по их возвращению волнения улеглись и там [9: 59–62].

В первых числах октября в Подлясье во все униатских церквях не осталось органов, прекратились проповеди и песни на польском языке. Земская стража и войска возвратились на постоянные квартиры [9: 62].

В 1879 г. в несколько номерах «Холмско-Варшавского вестника» вышла работа Е.М. Крыжановского «Князь В.А. Черкасский и холмские греко-униаты». В ней автор отметил вклад недавно умершего князя В.А. Черкасского (1824–1878) в возрождение в «духе русской

народности и православия», основы которого он заложил в годы недолгого своего управления внутренними и духовными делами Царства Польского (1864–1866) [10: 63]. В очерке автор изложил «только главные предметы и моменты этой широкой деятельности», за неимением «достаточно материалов для полного исследования деятельности князя В.А. Черкасского в отношении к холмской епархии». При работе над материалом Е.М. Крыжановский пользовался документами и личными воспоминаниями [9: 66].

Князь В.А. Черкасский, принимая активное участие в подготовке и исполнении «великой крестьянской реформы», «тесно соединял заботы о духовенстве с заботами о народе» и «в этом соединении видел залог прочности и задуманного дела». Кроме того, он имел «громадное преимущество пред своими предшественниками по греко-униатским делам», он «понимал цену живого влияния и умел пользоваться им» [10: 64].

Все принятые им решения по греко-униатским делам можно разделить на две части: «одни имели цель пресечь каналы, которыми вливалась в униатский организм чуждая ему жизнь, и уничтожить искусные сети, которыми полонизм и латинство опутали со всех сторон униатское население; другие меры направлены были к возбуждению и развитию собственной жизни в этом расслабленном русском организме и оживлению связи его с общерусскою жизнью» [10: 64].

Из числа первых, по мнению автора, наиболее важными были: преобразование холмского церковного капитула в епархиальную консисторию; закрытие в пределах холмской епархии василианских монастырей и уничтожение василианского ордена²; уничтожение патронатства польских помещиков над греко-униатскими приходами; меры против совращения униатов в латинство [10: 66]. Далее исследователь подробно описывает необходимость предпринятых мер, партиях среди униатского духовенства, организации учебных заведений для униатов (подробнее см.: [10: 66–280]).

Упоминает Е.М. Крыжановский и о «народовцах» Холмщины, которые «воздыхали о славном прошедшем холмской Руси и о лучшем будущем её, но не умели и ступить на ту дорогу, о которой мечтали: пели захожие малорусские песни, а не изучали быта своего народа; читали «Слово», а в семьях своих говорили по-польски, даже с церковной кафедры не решались говорить по-русски; восхищались русскою песнею Богородице: «о Мати, Мати! Царице русского краю!» и другими религиозными песнями в старых униатских изданиях и в появившихся тогда в Галиции нарочитых сборниках, а между тем не имели смелости тронуть в своих церквах польские годинки, рожанцы, коронки, горькие жали и под.; влеклись своими симпатиями к «св.

Юрию» (кафедра Львовская) и смотрели на Россию только сквозь тогдашние галицийские очки, наброшенные на «русинские» глаза коварною рукою австрийской политики; любили свою призрачную *Русь*, но вместе с тогдашними «святоюрцами» не любили «*Москвы*», т. е. действительной Руси, – любили в мечтах своих «предания праотцов», настоящий богослужебный чин, но пренебрегали «московским православием»... Это движение отличалось «крайним романтизмом и было практически бессильно, хотя оно вслед за тогдашнею Галицией грубо заблуждалось в своём отщепенстве от великого русского народа («*Москвы*»)» [10: 177].

Говоря о пропаганде католицизма, автор указал, что «униатский народ не увлекался такими массами в католичество», как в 1840–1846 гг.: от 300 тыс. униатов к концу этого десятилетия осталось не более 220 тыс. Ситуацию изменило «народное возбуждение», произошедшее в соседней Галиции. В 1846 г. галицкие русины оказали австрийскому правительству услугу, подавив «польскую смуту». За это правительство признало их национальные права. Под руководством митрополита Григория Яхимовича «началось быстрое возрождение народного духа: язык, литература, история, памятники родной старины, народные обычаи, предания, песни, церковные обряды – все оживляло и увлекало народную массу. Впереди всего этого движения стояли народные училища, учреждаемые на народных началах и ежегодно появлявшиеся сотнями». Это движение коснулось и холмской епархии [10: 232]. Автор упомянул, что в разработке всех важных документов по организации системы отдельных училищ для униатов вместе с князем Черкасским принимал участие русский учёный А.Ф. Гильфердинг (1831–1872) [10: 246].

Е.М. Крыжановский подробно рассказывает о приглашении в Холмскую епархию галицких священников. Первые меры, предпринятые правительством по отношению к Холмской, «встречены были в самих русских руководящих сферах Галиции недоверчиво». В 1864 г. и отчасти в 1865 г. львовская газета «Слово», впоследствии защищавшая эти меры, «признавала насилием» введение «русского языка в учебные заведения для греко-униатов, в церковную администрацию, проповедь», видя в населении холмской епархии, «как в целом южно-русском племени особую от «российской» народность». За этот взгляд ухватился Калинин и его окружение, «успели подрисовать своё дело в глазах высших духовных лиц Галиции» (подробнее о интригах Калининского см.: [22: 235–238]). Греко-католический митрополит Галицкий и Архиепископ Львовский Спиридон Литвинович (1810–1869), управлявший митрополией с 1854 г., «порицая полонизаторские стремления Калининского», в то же время не одобрял меры

Черкасского. Последнему он отказал в посвящении выбранных им кандидатов на должности приходских священников. Этим кандидатам пришлось отправлять в венгерскую Русь (Пряшев, Ужгород). Митрополит также настаивал, чтобы народное образование в епархии было отдано в его ведение. Только после этого он направит в епархию благонадёжных священников [10: 91–92].

Одним из выходов из сложившейся ситуации было привлечение священников из Угорской Руси, «в которой в то время относились с полным сочувствием к России и с которою кн. Черкасский поддерживал тесные сношения. К тому же венгерская Русь вполне усвоила себе русский литературный язык, на котором тогда издавала книги и газеты», в то время как «галицийская литература имела тогда для своего языка довольно печальные основы». Однако Черкасский понимал, что «галицийский священник, незаражённый миазмами того времени, имел в глазах его то преимущество пред венгерским, что понимал всю систему польской интриги, глубоко захватившей весь быт холмских греко-униатов» [10: 92–93].

Он обратился за содействием к главному директору Комиссии народного просвещения в Царстве Польском Ф.Ф. Витте, ведомство которого в то время искало учителей древних языков для греко-униатских гимназий. В конце 1865 г. во Львов был командирован начальник холмской учебной дирекции Ф.Г. Лебединцев, причём ему было поручено искать учителей и из духовных лиц. В данном случае митрополит не мог не выдать «отпустительные грамоты» священникам, согласившимися поступить на учебные должности. С этими грамотами они получали право и на должности в епархии. Первым в июле 1866 г. прибыл, имея грамоту от митрополита, на должность учителя греческого языка священник Филипп Дьячан. Вслед за ним прибыл «законоучитель львовской гимназии Маркелл Попель, приглашённый первоначально седлецкой учебною дирекцией на должность инспектора-руководителя бельских педагогических курсов, но назначенный на должность законоучителя холмской гимназии». Таким образом была получена возможность привлекать «благонадёжных священников из Галиции» [10: 93–94].

После отстранения Калинского (11 (23) сентября 1866 г.) от управления холмской епархией и высылки его в Вятку, на новых основах ей стал управлять «по высочайшему повелению» соборный протоиерей Иосиф Войницкий [10: 94]. Поселившиеся в Холме галицкие священники (Криницкий, Дьячан и Лавровский) стали ближайшими сотрудниками администратора холмской епархии Войцицкого в консистории, кафедральном соборе и семинарии. Вскоре прибывший в Холм священник Маркелл Попель, «известный своими сочинениями

по обрядовому богословию, дополнил собою этот кружок, которому предстояла одна из самых трудных задач – основательное разъяснение всех перемен в богослужении и исправление обряда» [10: 95].

В.А. Черкасский «понимал, что греко-униатское население, невежественное, бедное, расслабленное в своих естественных основах, опутанное искусными сетями полоно-латинства, многие века видевшее над собою только произвол власти, прежде всего требует истинного русского участия и живого руководства в исполнении новых требований от него». Он проводил личные беседы «со священниками и народом, с воспитанниками холмской семинарии и профессорами». Долгое время проявлял терпение по отношению к холмскому епископу Калинскому. Предъявив духовенству необходимые требования, «он терпеливо ожидал исполнения его, разъяснял и убеждал». К строгим мерам прибегал, когда «ясно открывалась злонамеренность» [10: 65].

В статье «Несколько документов, относящихся к переходному состоянию Подлясья после собора 1595 года» (1870) Е.М. Крыжановский впервые в русской историографии исследует ситуацию в Подлясье после принятия унии. Как отметил автор, «польские писатели тщательно обходили все, что напоминало о первоначальной в нём старой русской религии, т. е. православии, всегда и везде на этой полосе они видят только латинство и унию – будто исконные религии края, а польско-латинский фанатизм истреблял или извращал все, что противоречило уверениям этих писателей» [11: 281].

Отметив о малом количестве документов «об этой интересной эпохе», которые, могут сохраниться «при некоторых униатских церквях и у некоторых частных лиц», которые либо не могут определить значение этих документов, либо по некоторым причинам молчат о них, автор сообщил, что он имеет несколько документов, «довольно скудных, но дающих общее понятие о переходном состоянии так называемого русского Подлясья после брестского собора 1595 г.» [11: 281–282].

Важнейший, по мнению исследователя, документ – рукописный Помянник Яблочинского Онуфриевского монастыря, находящегося в Бельском уезде Седлецкой губернии. Монастырь был основан в начале XVI в. и со дня своего основания по сегодняшний день оставался в православии. Сейчас это ставропигиальный мужской монастырь Польской православной церкви, расположенный в селе Яблечна Бельского повята Люблинского воеводства Польши. Сам Помянник составлен в 1640–1642 гг. В него внесён и прежний помянник, заключавший в себе роды князей Сангушков и Богушей, «основателей и благодетелей монастыря», нескольких монахов монастыря и приходских священников. По записям в Помяннике можно определить, как долго существовали «остатки православия» в упомянутых в нём

местностях и «как постепенно уничтожались они». Недалеко от монастыря «есть ещё один такой же свидетель православия, д. Дрогичин» Соколовского уезда, в которой православие сохранялось долгое время, благодаря «своей стойкости, поддержке и защите находящегося в ней монастыря, уничтоженного в ней в 30-х гг. XIX в.» [11: 282–283].

Сведения из Помянника свидетельствуют, что «православное Подлясье не сразу подчинилось брестской унии, а постепенно, после весьма долгой борьбы с нею, так, что ещё в конце XVII и в начале XVIII века оставались здесь целые приходы православные и таких приходов было немало»; «в большей части местных приходов, по переходе священников и передаче церквей в унию, весьма много лиц долго ещё, из рода в род, оставались в православии» [11: 286–287].

В Помяннике есть сведения не только о непризнании унии, но и выступлениях против неё. Один из таких эпизодов описан в коротком «Летописце пресвитеров церкви святого Рождества Приснодевы Марии» в Беле. В коротком рассказе очевидца местного священника Мануила Селецкого (1617–1657) описано, как в 1648 г. запорожские казаки, посполу (простонародье) и татары разграбили католический костёл. И далее: «Кого знашли мучили, били, канчуками секли, пытаючи грошей, серебра, шат дорогих, сукень, стрельбы, брони и иных речий и добр. Каждый мусил дати, мусил новидети. Русина мучивши, бывши зранивши, вобравши водным учинил. Ляха некоторого посекуси приправили до смерти. Забито на тот час всех посполу невест и мужей человека до пятнадцаты». В то же время «Церкви Божой жадного ущорбку не чинили». Самого о. Мануила «звезавши стрычками кололи, плазом били, мордовали, голову и бороду вырвали» и ограбили [11: 287–289].

Позже, в 1657 г., казаки «напали до места Белой, и людей *посторонних было много* и самого князя. Его милость Михаила Радивиля в замку застали, кони, карыты, все побрали и людем убогим шкоды почынили по дорогам доганяючи били, секли, в тыждень потом пришли з шведами, з венграми, з муляны (молдоване) и под Берестем пошли, Берестя доставши до Варшавы, и мало не всю польскую землю звоевавши назад её вернули, церкви, костелы подрали, полупили и попалили» [11: 291].

Первое событие произошло после битвы Хмельницкого при Замостье (имеется в виду осада Замостья в конце октября – начале ноября 1648 г. – С.С.), второе – во время похода его в союзе с московскими войсками. Автор напоминает, что казацкое восстание – «восстание всего православного русского народа против панов и ксёндзов, месть за попрание ими народных прав, особенно за унию. Козаки и восставший с ними народ повсюду щадили и ограждали своё православное,

но разоряли и уничтожали все польско-латинское, причём в русских приходах чинили расправу только над перекинчиками-униатами». Поэтому «нужно полагать», что причина побоев и грабежа казаками и простым народом священников и некоторых жителей из Бела, в деревнях Витроже, Сворах, Терeble, Гнойне, Вистулине, Козерадах в том, что они были униатами, в т. ч. и о. Мануил [11: 291–292].

К важным источникам относится переписка Катерины (Катажины) Радзивилл (урождённой Собеской). Связавшись с униатским митрополитом Львом Заленским, она устроила при бельской церкви базилианский монастырь и разослала в октябре 1690 г. во все селения своего имени приказ. Этот документ свидетельствовал, что народ «не любил унии, что предпочитал оставаться без необходимейших таинств и богослужений, без всякой религии», «сами священники не знали своей новой религии до того, что их нужно было учить ей наряду с забитыми крестьянами, «победить упорство народа не могли ни время, ни какие бы то ни было влияния, поэтому для этого был учреждён базилианский монастырь с целью научать народ и духовенство унии» [11: 296–297]. В 1767 г. униатский митрополит Филипп Володкович издал грамоту, «которою он учреждает по всей Руси такую же миссию базилианскую, какую установила в своих имениях Катерина Радивиллова» [11: 301].

Даже в последние годы существования польского государства, пишет автор, на Подлясье были приняты «чрезвычайные меры к утверждению народа в унии». В 1785 г. владимирско-брестский униатский епископ Стефан Млоцкий учредил в своей епархии из учёных базилианских монахов особое миссионерское общество. Общество само выбирало места проведения своих миссий, во время которых «в продолжении нескольких недель миссионеры поучали собравшийся народ и духовенство, исповедовали и приобщали их; тут же они разведывали о врагах веры и чинили над ними расправу». Из 15 таких миссий, проводимых в 1785–1790 гг., семь пришлось на Подлясье [11: 302–303].

В своей работе «Забужная Русь» (1885) Е.М. Крыжановский исследовал вопрос о происхождении униатского населения Люблинской и Седлецкой губерний. Автор, напоминая о введущейся полемике между польской и русской сторонами, касавшейся только религиозной сферы, решил ответить на основной вопрос: «Существует ли Русское Забужье?», кто были первыми поселенцами в крае, к какому «политическому организму» принадлежали они [12: 304]. Приводит вкратце мнения варшавской прессы, отрицавшей это: «...одна из газет предлагала премию тому, кто откроет Русское Забужье» [12: 305]. В свою очередь, «в отношении б. Польши русские историки всегда от-

ставали от русской политики», признавая начиная с Н.М. Карамзина «линию Буга границей первоначального польского государства со стороны Руси» [12: 306].

Е.М. Крыжановский пишет, что небольшая речка Влодава разделяла Забужье на две половины; Холмщину (Люблинская губерния) и Подлясье (Седлецкая губерния). «Первая всегда тянула к червенским берегам, вторая к Бресту и Владимиру-Волынскому». В XIV в. Холмщина была присоединена к Польше, Подлясье – к Литве [12: 311–312].

Автор, в частности, разбирает летописные свидетельства, в т. ч. и о походе князя Владимира в 981 г.: «Иде Володимиръ к Лѣхомъ и зае грады ихъ Перемышль, Червень и ины города, иже суть и до сего дне подъ Русью» [12: 312], что якобы свидетельствовало о польском населении края. Заслуга Е.М. Крыжановского, по словам И.П. Филевича, «заключалась в том, что в своём исследовании «Забужная Русь» он поставил известие летописи в связь со всем имеющимся в науке материалом. Событие 981 г. предстало таким образом в своей действительной исторической и этнографической обстановке, и русский характер спорной территории оказался не подлежащим никакому сомнению. Дальнейшая научная разработка вполне подтвердила этот основной взгляд исследования Крыжановского». Мнение Е.М. Крыжановского, что летописец перенёс политическую обстановку борьбы Ярослава с «ляхами» за «Червенские города» на эпоху Владимира Святого, потом повторил М.С. Грушевский в «Истории Украины-Руси» [24: XLV–XLVI].

В небольшой статье «Православная дружина в Лесне» Е.М. Крыжановский рассказал о жизни населения деревушки Лесна бельского уезда Седлецкой губернии, в которой хранилась чудотворная икона Божьей матери, именуемой Лесненской, воссоединённого с православием в 1875 г., как и всё униатское население губернии. Первоначально икона находилась в православной тогда церкви соседнего с. Буковичи. Она была изъята католиками и помещена в костёле паулинов в Лесне (с 1875 г. православная церковь) [13: 405, 408–409]. Автор присутствовал на церковном торжестве в праздник св. Троицы 16 мая 1882 г. в селе Лесне и произнёс во время торжественного обеда речь, где поднял вопрос: почему многие русские люди в этом крае так упорно отдаляются от православия? [23: XXXI].

Упомянув в статье о ходивших небылицах при принятии православия в крае и упорстве местного населения в унию, автор замечает, что «в среде подлясского населения происходит благодатная перемена, которая с каждым годом даёт себя чувствовать все сильнее» [13: 405]. При Лесненской церкви была учреждена в 1885 г. женская община и «благодаря трудам сестёр общины, население увидело здесь хри-

стианскую заботу о нём». Автор пишет, что «лучшим мерилом возрастающего народного расположения к православию служит число богомольцев у св. иконы Лесненской в дни, искони посвящённые ей, каковы день Святая Троицы и Воздвижения Честного Креста». Он отметил, что «после 1875 года, в эти дни стало пусто здесь; стали появляться единицы, сотни, даже свыше тысячи, а со времени учреждения общины число это столь быстро растёт, что поражает наблюдателя» [13: 406]. Его удивила их набожность [13: 407]. Подобная ситуация произошла и в соседних Буковичах. Они тоже «прежде были “упорствующими”» [13: 408].

Во время службы в Варшаве Е.М. Крыжановский также написал несколько работ по истории образования Привислянского края: «Русские школы и обучение русскому языку в Привислянском крае до издания указов 30 августа 1864 г.» (1875), «Учебные заведения в русских областях Польши в период её разделов» (1882), «Материалы для истории народного образования» (1882).

В статье «Русские школы и обучение русскому языку в Привислянском крае до издания указов 30 августа 1864 года» (см. «Указы об общественном образовании в Царстве Польском». СПб., 1864) автор напоминает, что прошло всего десять лет со дня издания указов, «положивших прочные основы воспитанию и образованию в Царстве Польском». В январе 1864 г. была открыта первая русская гимназия в Царстве Польском, ставшая 1-й Варшавской гимназией [16: 196].

За эти десять лет «русские учебные заведения, средние и низшие, считаются в Привислянском крае сотнями, русский язык служит органом преподавания и обучения во всех высших, средних и низших учебных заведениях» [16: 196]. Автор проанализировал причины, из-за которых предпринимаемые ранее попытки организации русских учебных заведений, усилия по обучению русскому языку в польских училищах «остались бесплодными и не привели к желанным целям» [16: 196–197].

Е.М. Крыжановский отметил, что до 1864 г. «школа по-прежнему продолжала содержаться преимущественно на частные средства». Согласно Указу от 30 августа 1864 г. о новом устройстве учебных заведений, русская варшавская школа была преобразована в русскую мужскую гимназию и женскую прогимназию и всё содержание осуществлялось за счёт казны [16: 316].

В статье «Учебные заведения в русских областях Польши в период её разделов» автор напоминает, что «история польского общественного образования разделяется на два периода первым разделом Польши». До 1773 г. (Первый раздел Речи Посполитой произошёл в 1772 г. – С.С.) «католическая церковь успела соединить в своих руках

все нити его, наложить на него печать свою; с этого же года оно строго подчиняется государству, становится гражданским, национальным». Русской публике более известен первый период истории просвещения в Польше [14: 6]. О втором периоде в русской литературе нет почти никаких сведений [14: 11]. Автор знакомит читателей «с состоянием учебных заведений в северо- и юго-западном крае в период разделов Польши по рапортам визитаторов их, нигде ещё не напечатанным», даёт «сведения об учебной организации в Польше того времени» [14: 12].

Комиссия просвещения разделила всю Польшу на десять учебных округов (*wydziałów*). Шесть коронных округов: великопольский в Познани, малопольский в Кракове, мазовецкий в Варшаве, волынский в Кременце, украинский в Виннице, пиарский³, охватывающий школы пиаристов, разбросанные по всей Польше. Прочие четыре назывались литовскими: литовский в Гродно, русский в Новогрудке, полесский в Брест-Литовске и жмудский в Крожах [14: 22]. Перечисляя предметы, которые преподавались в польской школе, исследователь подчеркнул, что этому курсу «предназначено было обновить молодые поколения Польши и возродить польское государство к новой жизни» [14: 45].

Однако, как отметил автор, «надежды польских реформаторов не исполнились: школа не спасла Речь Посполитую от полного разрушения. Поляки жалуются, что им не дали достроить начатое здание по уставам 1783 г. и по конституции 3-го мая: они выражают полную уверенность, что завершение этого здания поставило бы Польшу в ряду самых цветущих государств Европы» [14: 92].

Говоря о том, чтобы дала эта реформа двум основным народностям Польши, Е.М. Крыжановский напоминает изречение «известного организатора новой общественности в Галиции гр. Глуховского: “мазур + русин = поляк”». Он отмечает, что «в этом отношении польская дореформенная старина была снисходительнее и благоразумнее просветительной новизны» [14: 93].

В «Материалах для истории народного образования (Приложение к статье «Учебные заведения в русских областях Польши в период её разделов») Е.М. Крыжановский знакомит «со школами, существовавшими в Южной Руси, т. е. на Украине, Подольи и Волыни, на пространстве от Холма до Винницы и Бара» [14: 97]. В качестве источника он использовал «Рапорт Пресветлой Комиссии Просвещения о генеральном осмотре в 1789 г. школ» («*Rapporta wizyt generalnych od roku 1782 do roku 1793*»), хранившийся в варшавском центральном архиве [15: 98].

В «Записке об униатском деле в Привислянском крае» автор пишет, что после ухода князя Черкасского инициатива «униатских

дел» была передана в Холм, где не было сильной духовной власти [17: 317–318]. Протест нескольких униатских священников против реформы холмского церковного управления «навлек на виновников его справедливую кару и не встретил в народе никакого сочувствия, почему авторы его поспешили дать подписки в повиновении администратору епархии и консистории. Повиновение, без сомнения, было только вынужденным, наружным» [17: 319]. Администратор Войницкий оказался «слабым и недалёковидным». Его симпатии к Галиции привели к тому, что приехавшие по приглашению правительства галичане стали членами консистории, что «ещё более ослабило в глазах местного духовенства и всего населения значение холмской духовной власти, не получившей канонического утверждения» [17: 320].

Впоследствии из Галиции стали приезжать в Холм «священники по собственному желанию, со срочными паспортами от австрийского правительства, без отпустительных грамот, а иные и без дозволения своего епископа». Епархиальное управление, несмотря на это, «не требуя от них даже предварительно присяги на русское подданство, назначало их на приходы в Холмской епархии, выбирая при этом для них лучшие приходы и более влиятельные места. Эти назначения произвели сильное впечатление в духовенстве и в народе. Каждого такого священника прихожане встречали ропотом» [17: 321].

Кроме того, холмская консистория решила «коснуться самых жизненных сторон церковно-народного быта и радикально изменить постановку греко-униатского вопроса». Вся приезжавшие из Галиции духовные лица и миряне были «обрядовцы», т. е. стояли за чистоту церковного обряда [17: 322]. Однако «единый чин богослужения никогда не был установлен для всей восточной Церкви» [17: 323]. В то же время «галицкие обрядовцы, получившие высшее образование в австрийских университетах, в которые не проникало ни одно православно-богословское сочинение, не имели никакой возможности высвободиться из цепей католического догмата» [17: 329]. Они считали, что «очищение обряда» «при удалении неблагонадёжных священников» приведёт к решению униатского вопроса: «...народ, увидев в церквах своих чистое славянское богослужение, слушая русскую проповедь, не слыша польской речи, скоро убедится в единстве своей веры с православной русскою Церковью» [17: 333–334].

11 марта 1867 г., спустя всего три месяца после удаления от дел Н.А. Милютина и кн. В.А. Черкасского, появилось окружное послание холмской духовной консистории «благочинным и всему духовенству», которое стало «программой дальнейшего направления и хода униатских дел» [17: 334]. Однако холмская консистория, предпри-

сывая священникам приступить к очищению обряда и «о точном отправлении богослужения по правилам и уставам восточной церкви» не указала «каким обрядовым редакциям следовать в совершении всех богослужений, чтобы соблюсти требуемую “чистоту и целость завещанного предками греко-униатского исповедания”» [17: 336].

Важен также был вопрос и о внутреннем устройстве храмов. Стараниями князя В.А. Черкасского из государственного казначейства было выделено 250 тыс. руб. серебром на постройку новых и ремонт старых униатских церквей. Работы начались вначале в Люблинской губернии. Их должны были закончить к 1 января 1868 г., а затем приступить к работам в Седлецкой губернии, закончив к 1 января 1870 г. Таким образом, в храмах Седлецкой губернии всё осталось по-старому: «не было и десяти церквей с иконостасами» [17: 337]. В Люблинской губернии органы при переделке церквей убирались, в Седлецкой они оставались в церквях и внезапное их молчание «легко могло воспламенить латинизованное чувство невежественной массы и вызвать её на беспорядок» [17: 338].

Впоследствии расследование дела об усмирении беспорядков в Седлецкой губернии разными комиссиями привело к выводу, что «виною неудачи была не программа и не вмешательство гражданской власти в церковные дела, но недостаточность авторитета для народа в подобном деле самой консистории» [17: 340].

Автор отметил, что основы «новой программы униатских дел» были «прямо противоположны основам учебных заведений». Программа рассматривала «религиозно-народный быт униатов, как на нарост на здоровом теле, который можно срезать одним взмахом искусной руки». Учебные заведения основаны были «на системе, глядевшей на народный быт, как на живую силу, выроставшую и крепшую в течение столетий, на обычай и обряд, как на предание, завет старины, как на совесть народную, а потому они должны были возлагать всю свою надежду на воспитание сознания и прояснение народного чувства» [17: 341–342]. Поборники новой программы были убеждены, что «церковь и школа могут идти в этом направлении самостоятельно, каждая своим путём». Действительность скоро показала «пагубное влияние этой раздельности Церкви и школы в отношении к греко-униатскому вопросу» [17: 342].

Из семьи дети приносили в школу недоверие и подозрительность ко всем требованиям учителей и воспитателей, в средних заведениях прекратился «прилив учеников униатского исповедания». В течение учебного 1867/68 г. их стало меньше, чем при открытии этих заведений. Не лучше стало положение в сельских школах. Кроме того,

«учителя подвергались угрозам и даже насилиям по самым пустым подозрениям». Настроениями народных масс завладела польская партия. Подозрения, начавшиеся с предметов обрядовых, в течение зимы 1867/1868 г. перешли на русский язык, в котором усматривали «важнейшую причину всех постигших униатов религиозных бедствий. Этой зимой «появилось немалое число секретных школ в дворах помещиков, на заводах, мельницах, кузницах и под., в которых униатские дети собираемы были, под предлогом заработка, для обучения польской грамоте и польским молитвам» [17: 342–343].

«Вместо Попеля, не рекомендованного Риму львовским митрополитом Спиридоном Литвиновичем», на холмскую кафедру, с согласия русского правительства, был избран «архипресвитер львовской митрополичьей кафедры, знаменитый преемник митрополита Григория Яхимовича в руководстве галицким народным возрождением Михаил Куземский». Назначение вызвало неоднозначную реакцию [17: 346]. Прибывшие ранее галичане «уже ковали против него ковы», в частности, распуская слухи о его папизме и что в Галиции сам Куземский непосредственно церковными делами не занимался [17: 347]. Прибыв в Холм, Куземский (22 июня 1868 г. был провозглашён епископом, в августе приступив к управлению Холмской епархией) «выразил глубокое внимание к народу, к душевному состоянию местного духовенства, загнанного, запуганного, устранённого от дел епархии и от влияния на народ, и в то же время собратьям своим дружески, но решительно дал почувствовать всю несообразность их действий в Холмской епархии» [17: 348].

Е.М. Крыжановский отметил, что Куземский действовал прямо и решительно, не допускал никаких колебаний и уступок, вместе с тем его образ действий был «легальный» (как сам он выражался), строго сообразный с действующим законоположением и уставами и не допускавший нарушения их и перемены иным путём, кроме того, которым они произошли». Характеризуя Куземского, автор напоминает, что тот прежде всего был русином «по типу, выросшему на австрийской конституционной почве, не похожему ни на наш малорусский, ни тем более на великорусский тип. Своих собратий, раньше его вышедших из Галиции, он называл вольницею, казаками, бежавшими от требований законности и порядка и мечтавшими о Холмской епархии, точно о церковном Запорожье. Он не стеснялся подчас приравнивать к той же вольнице и наше низшее чиновничество, не успевшее соблюсти в своих действиях требований долга и закона и часто беззаветно отдававшееся собственным инстинктам. Но в его побуждениях к законности дышала не внутренняя сила долга, правды, а внешняя форма обязательности, именно легальность, состоящая не в духе за-

кона, а в формуле его. Он не был ни “хохол” вообще, ни “червонорус”, не проникался народными началами так, как проникнуты ими напр. наши славянофилы, народолюбие его сполна заключалось в том, что он хотел видеть свой народ на высоте *легальности*, на одном уровне с другими самостоятельными, цивилизованными народностями. Он казался как бы закованным в народные галицийские обычаи, не мог наломать свой язык на общерусский и не делал даже попытки к тому. Многие видели в этом узкую сепаративную наклонность и нелюбовь к великорусскому племени. Но это происходило единственно от того, что долгая широкая деятельность его происходила в среде своего народа и единственно для этого народа и закалилась в формах его быта. О великорусском, как и о малорусском племени он судил совершенно одинаково, всё с той же главной своей точки, и видел в нём, без сомнения вследствие своего малого знакомства с ним, склонность к необузданной вольнице, грубому произволу, “нелегальности”. Этим общим свойством его, а не мелким тщеславием и самолюбием, объясняется его нетерпеливость ко всякому вмешательству в дела, порученные ему, хотя бы то и со стороны высших властей, в которых он также видел дух вольницы, недостаток законности, легальности» [17: 348–349].

Хотя Куземский был папистом, однако, как считал автор, «Рим для него был образцом легальности в церковных порядках, за это он уважал его, напротив он, нимало не колеблясь, восстал бы против непогрешимого папы, если бы последний нарушил легальность в церкви». Поэтому он при таких убеждениях «не был врагом православной церкви, как некоторые думали о нём» [17: 350]. Куземский был униатом, он говорил: «я униат и уже умру униатом». Опять же, «уния была для него дорога тоже, как легальность, основанная на торжественных договорах и постановлениях собора, которой притом он два раза присягнул, как христианин, в таинстве крещения, и как епископ, при своём рукоположении» [17: 351].

Е.М. Крыжановский считал, что Куземский «не соответствовал видам правительства в отношении холмского населения. Он не мог вести это населения в направлении общерусском, оживить, развить и укрепить в нём общерусские начала, как главное и единственное условие народного возрождения». Однако он в это время был незаметным для Холмской епархии. Его задачей было «успокоить взволнованные умы, разрешить тревожные сомнения народа и духовенства, установить правильные отношения в униатских сферах, нарушаемые недавними событиями, положить вновь начало спокойному течению дел, в особенности восстановить доверие народа к духовной своей власти и к властям подлежащим» [17: 353].

25 октября 1868 г. Куземский «издал окружное послание к епархии, которым утвердил все распоряжения бывшей консистории и внушал строгое исполнение правительственных узаконений (о браках униатов с католиками, о неслужении униатских священников в костёлах, о переходе униатов в латинство и др.)» [17: 358]. Благодаря деятельности Куземского (беседы с депутатами от приходов, священниками, посещения и богослужения в церквях) изменилось настроение духовенства, народ в Подлясье и Холмщине успокоился [17: 359–361].

С приездом Куземского в Холм галицкие выходцы не только потеряли первенствующее значение в епархии, но и подверглись резкому порицанию со стороны его. В свою очередь, они стали распространять слухи, что программа Куземского направлена на обособление Холмской епархии от России, к возбуждению ненависти против русского народа и православия [17: 362]. Куземский же «обвинял своих галицких собратий в нерадении о своих обязанностях, в резкой проповеди православия на уроках в семинарии и гимназиях, в грубом нарушении уважаемых народом обычаев и в агитации лично против него» [17: 363].

Куземский потребовал, для выполнения требований легальности, у галицких выходцев отпустить грамоты. Кроме того, у многих были просрочены австрийские паспорта. Галичане обратились с жалобами и просьбами о заступничестве к гражданским властям. Всё закончилось принятием ими русского подданства. Выходцы из Галиции Куземскому это не простили и вступили с ним борьбу, сами же выступили гонимыми и преследуемыми «за русскую идею». В Галиции была издана брошюра о нём, содержащая «целый ряд бранных слов». Там же распространялись слухи, что он в Холме покровительствует врагам России, не любим русскими властями, преследует выходцев из Галиции за верность правительству и т. д. [17: 365–367]. В 1870 г. Куземскому было предложено приступить к очищению обряда. К этому он относился отрицательно. К примеру, он считал, что галицкие «обрядовцы» действуют на руку полякам. Куземский подал прошение об увольнении [17: 376].

Е.М. Крыжановский назвал этот эпизод «из истории последних дней Холмской униатской епархии» «эпизодом борьбы брошенного на произвол русского патриотического чувства с легальным и гордым вождём галицкой русской семьи», вторым актом «тяжёлой драмы, начавшейся вслед за изменою первоначального направления униатских дел, чтобы дать место третьему, ещё более тяжёлому акту» [17: 376].

Говоря о значении деятельности Куземского в Холмской епархии, исследователь отметил оживление при нём сельских школ, активное участие в них священников, увеличении числа учащихся [17: 377].

После отъезда Куземского в Галицию администратором Холмской епархии был назначен Попель. Его назначение тоже вызвало неоднозначную реакцию среди священников [17: 381]. Началось очищение состава священников, появились новые выходцы из Галиции⁴, которых назначали на лучшие приходы, местных же священников перемешали на худшие. В Холмской семинарии вновь появились молодые люди из Галиции, часто не имевшие паспортов [17: 382].

Началось приготовление циркуляров об очищении. Первый циркуляр с приложением «Табели священным временам в продолжении года» вводил в епархии «новое начало вместо епископской власти, именно – правительство, и сам прикрывается волею правительства». В нём говорилось, что «все вышеупомянутые праздники, посты и заупокойные дни праздновались издавна в Холмской епархии, а потому они и признаны правительством». Как циркуляр довели до духовенства, сразу «начались движения в народе». Галицкое духовенство первым на себе испытало его. «Побои, поджоги, разорение домов, насилия при богослужении и отобрание от священника церковных ключей, охрана церкви вооружённою толпою день и ночь были обыкновенными явлениями в взволнованных почти всё тех же тридцати трёх приходах Седлецкой губернии». Снова начались отъезды священников в Галицию, отправление на усмирения войск, разбирательства и суды над виновными в волнениях, ссылки, заключения в тюрьму, штрафы и т. д. Когда появлялись войска, в приходах наступало спокойствие, когда войска его покидали – снова волнения [17: 382–383].

Е.М. Крыжановский считал, что «общий грех в отношении к униатскому вопросу, общая вина в непонимании его, в безурядице отношений к нему со времени устранения от дел кн. Черкасского, безурядице, которая мешала правильной оценке как всего хода этих дел, так и местных явлений его, мешала распознать и действительные причины волнений на Подлясье, и относительное спокойствие в Холмщине – два околodka, долгое время бывшие в антагонизме между собою по иерархическим делам, имевшие свои исторические особенности, глубоко влиявшие на свойства населения обеих частей» [17: 382–383].

Жалобы и просьбы представителей униатов в правительственные инстанции не дали результата, Новый циркуляр администратора к епархии от 20 октября 1873, разъяснявший, что исправление обряда не приведёт к смене веры, не вызывал доверия. В ответ на него появилась энциклика папы Пия IX от 13 мая 1874 г., которая объявила администратора Холмской епархии «псевдоадминистратором, лишённым всякой церковной юрисдикции» и благословляла и одушевляла народ «противиться всеми силами требованиям этого “псевдо-администратора” об очищении обряда». Она была переведена на поль-

ский язык и на русинское наречие, на котором была распечатана в большом количестве. Также появилось много эмиссаров из Галиции, которые распространяли в народе эту энциклику с комментариями [17: 384–385].

Говоря об учебных заведениях, исследователь упомянул, что после применения в 1873 г. к гимназиям Царства Польского устава классических гимназий, в связи «с изъятием гимназий из ведомства начальников учебных дирекций, единство направления в бывших униатских учебных заведениях прекратилось». Гимназии «совершенно отрезались от нужд и потребностей местного населения, игнорировали детей этого населения, направляли все предоставленные им первоначальным уставом льготы единственно к исполнению новой своей задачи». Часто, как отмечал автор, между директорами гимназий и начальниками учебных дирекций «существовал полный антагонизм по отношению к нуждам местного населения, и гимназия часто намеренно устраняла униатских детей как недостаточно подготовленных» [17: 385].

Из-за «скудной программы сельских школ, утверждённой министерством народного просвещения и ограничивающейся умением читать, писать и считать по четырём действиям арифметики» упал уровень сельских школ. Бывшие греко-униатские гимназии и бывшая русская гимназия в Варшаве были уравнены по штатам со всеми гимназиями Царства Польского. Поэтому «служба в гимназиях Варшавского учебного округа для русских учителей перестала быть выгодной и приглашение надёжных учителей из империи стало затруднительным». В результате сократилось количество кандидатов на учительские должности и нередко учителями в бывших греко-униатских гимназиях назначались поляки, «польскими руками воспитывать в тревожной местности русских униатских детей» [17: 386–387].

Работы Е.М. Крыжановского по истории униии на Подлясье, решения униатского вопроса в Холмской епархии, учебных заведений в Привислянском крае, развития системы образования в Подлясье, анализу допущенных в религиозной и образовательной сферах ошибок, написанные с использованием малоизвестных источников, личных наблюдений, воспоминаний участников событий, несомненно, сыграли роль в информированности российского общества о холмском вопросе, а впоследствии – в принятии решения о выделении Холмской губернии.

Высоко оценивая «холмское наследие» Е.М. Крыжановского, И.П. Филевич писал, что «в литературе Холмского вопроса его труды занимают бесспорно одно из самых почётных мест. Чуждые страстности, они охватывают сложное холмское дело со всех сторон и дают

возможность вникнуть в него с спокойной и серьёзной вдумчивостью» [24: XLVI].

Сегодня тех Подлясья и Холмщины, описываемых Е.М. Крыжановским, после Первой мировой войны, проведения властями Второй Речи Посполитой разрушения православных храмов в первые годы её существования и полонизационно-ревиндикационной акции в 1938 г., увы, уже нет.

Благодаря работам Е.М. Крыжановского, И.П. Филевича и др., современным исследователям доступны сведения о важных периодах истории региона, изложенные очевидцами и участниками этих событий, с использованием труднодоступных источников.

Примечания

1. В 1847 г. в Риме был заключён конкордат между Российской империей и Римско-католической церковью, в нём говорилось о польских епархиях и положении Могилёвской архиепископии, папа признавался главой российских католиков. Вмешательство католического духовенства в польское восстание привело к тому, что дипломатические отношения между Россией и Римом были прерваны, а 25 ноября (7 декабря) 1866 г. был обнародован указ, отменяющий действие конкордата.

2. По представлению князя, наместник Царства Польского в постановлении от 28 ноября 1864 г. из-за малого количества монашествующих (по решению Тридентского собора должно быть не менее 8) закрыл четыре из пяти греко-униатских монастырей: Холме, Люблине, Беле, Замостье, переведя братию в Варшавский монастырь (подробнее см.: [10: 114–115]).

3. Пиаристы (Орден бедных регулярных клириков благочестивых школ во имя Божией Матери) – католический монашеский орден, занимавшийся обучением и воспитанием детей и молодёжи. Основан в 1617 г. Основная цель – обеспечить бесплатное образование для бедных детей.

4. Иван Порфирьевич Филевич (1856–1913), уроженец Холмщины, сын униатского священника, прибывшего из Галиции, сохранившего после воссоединения холмских униатов униатскую веру, но крестивший сына в православии, тоже негативно отзывался о роли прибывших в Холмскую епархию галицких священников [25: 83, 85–86, 88–89].

ЛИТЕРАТУРА

1. Биографический словарь. Высшие чины Российской империи (22.10.1721 – они [12: 304]. 2.03.1917): в 4 т. Т. II: Д–Л / сост. Е.Л. Потёмкин. М.: Б.и., 2019. 627 с.

2. Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / подгот. текста, вступ. ст., коммент.: А.В. Лихоманов. СПб.: РНБ, 2009. 228 с.: ил.

3. *Карпачев М.Д.* Сергей Ефимович Крыжановский – политический деятель и публицист начала XX века // Вестник Воронежского университета. Сер. История. Политология. Социология. 2013. № 2. С. 52–59.

4. *Крыжановский Е.М.* Собрание сочинений Е.М. Крыжановского [С крат. биогр. очерком]: в 3 т. Т. 1: Очерки и исследования по русской церковной истории; Бытовые очерки. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. L, 652, [2] с., 1 л. портр.

5. *Крыжановский Е.М.* Собрание сочинений Е.М. Крыжановского [С крат. биогр. очерком]: в 3 т. Т. 2: Записки по современным церковным вопросам. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. 981, [3] с.

6. *Крыжановский Е.М.* Собрание сочинений Е.М. Крыжановского [С крат. биогр. очерком]: в 3 т. Т. 3: Статьи педагогического и ученого содержания. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. 784, XL, [2] с.

7. *Крыжановский Е.М.* Украинская деревня второй четверти нынешнего столетия (по воспоминаниям детства) // Крыжановский Е.М. Собрание сочинений Е.М. Крыжановского [С крат. биогр. очерком]: в 3 т. Т. 1: Очерки и исследования по русской церковной истории; Бытовые очерки. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. С. 488–553.

8. *Крыжановский Е.М.* Письма из Подлясья // Крыжановский Е.М. Собрание сочинений Е.М. Крыжановского [С крат. биогр. очерком]: в 3 т. Т. 1: Очерки и исследования по русской церковной истории; Бытовые очерки. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. С. 589–652.

9. *Крыжановский Е.М.* Волнения униатов на Подлясье // Крыжановский Е.М. Собрание сочинений Е.М. Крыжановского [С крат. биогр. очерком]: в 3 т. Т. 2: Записки по современным церковным вопросам. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. С. 5–62.

10. *Крыжановский Е.М.* Князь В.А. Черкасский и холмские греко-униаты // Крыжановский Е.М. Собрание сочинений Е.М. Крыжановского [С крат. биогр. очерком]: в 3 т. Т. 2: Записки по современным церковным вопросам. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. С. 63–280.

11. *Крыжановский Е.М.* Несколько документов, относящихся к переходному состоянию Подлясья после собора 1595 года // Крыжановский Е.М. Собрание сочинений Е.М. Крыжановского [С крат. биогр. очерком]: в 3 т. Т. 2: Записки по современным церковным вопросам. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. С. 281–303.

12. *Крыжановский Е.М.* Забужная Русь // Крыжановский Е.М. Собрание сочинений Е.М. Крыжановского [С крат. биогр. очерком]: в 3 т. Т. 2: Записки

по современным церковным вопросам. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. С. 304–404.

13. *Крыжановский Е.М.* Православная дружина в Лесне // Крыжановский Е.М. Собрание сочинений Е.М. Крыжановского [С крат. биогр. очерком]: в 3 т. Т. 2: Записки по современным церковным вопросам. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. С. 405–409.

14. *Крыжановский Е.М.* Учебные заведения в русских областях Польши в период её разделов // Крыжановский Е.М. Собрание сочинений Е.М. Крыжановского [С крат. биогр. очерком]: в 3 т. Т. 3: Статьи педагогического и учёного содержания. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. С. 5–97.

15. *Крыжановский Е.М.* Материалы для истории народного образования (Приложение к статье «Учебные заведения в русских областях Польши в период её разделов») // Крыжановский Е.М. Собрание сочинений Е.М. Крыжановского [С крат. биогр. очерком]: в 3 т. Т. 3: Статьи педагогического и учёного содержания. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. С. 98–195.

16. *Крыжановский Е.М.* Русские школы и обучение русскому языку в Привислянском крае до издания указов 30 августа 1864 года // Крыжановский Е.М. Собрание сочинений Е.М. Крыжановского [С крат. биогр. очерком]: в 3 т. Т. 3: Статьи педагогического и учёного содержания. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. С. 196–316.

17. *Крыжановский Е.М.* Записка об униатском деле в Привислянском крае // Крыжановский Е.М. Собрание сочинений Е.М. Крыжановского [С крат. биогр. очерком]: в 3 т. Т. 3: Статьи педагогического и учёного содержания. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. С. 317–395.

18. *Крыжановский Е.М.* Русское Забужье (Холмщина и Подлясье): сб. ст. Е.М. Крыжановского, с предисл. [«К холмскому вопросу»] И.П. Филевича. СПб.: Тип. «Мирный труд», 1911. XLVI, 438 с.

19. Крыжановский, Евфимий Михайлович // ЭСБЕ. Т. XVI^А. Коялович – Кулон. СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1895. С. 862.

20. Крыжановский, Евфимий Михайлович // Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Импер. Рус. ист. о-ва А.А. Половцова. Т. 9: Кнаппе–Кюхельбекер. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1903. С. 466–467.

21. *Лихоманов А.В.* С.Е. Крыжановский и его воспоминания // Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / подгот. текста, вступ. ст., коммент.: А.В. Лихоманов. СПб.: РНБ, 2009. С. 4–45.

22. *Петрушевич А.С.* Холмская епархия и святители её по 1866 год. Львов: Издательный Института Стравопигийского, 1867. [2], 249 с.

23. Предисловие // Крыжановский Е.М. Собрание сочинений Е.М. Крыжановского [С крат. биогр. очерком]: в 3 т. Т. 1: Очерки и исследования по русской церковной истории; Бытовые очерки. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1890. С. III–XLIX.

24. *Филевич И.П.* Предисловие к холмскому вопросу // Крыжановский Е.М. Русское Забужье (Холмщина и Подлясье): сб. ст. Е.М. Крыжановского, с

предисл. [«К холмскому вопросу»] И.П. Филевича. СПб.: Тип. «Мирный труд», 1911. С. V– XLVI.

25. Суляк С.Г. И.П. Филевич и Карпатская Русь. Часть 2. Карпатская Русь в научном наследии учёного // Русин. 2021. № 63. С. 81–137. DOI: 10.17223/18572685/63/6

26. Шемякин В. Е.М. Крыжановский. † 26 июля 1888 г. // Церковные ведомости. 1888. № 35. С. 968–970.

27. Шиманский Е. О. Григорий Крыжановский (некролог) // Церковные ведомости. 1888. № 47. С. 1326–1327.

REFERENCES

1. Potemkin, E.L. (2019) *Biograficheskiy slovar'. Vysshie chiny Rossiyskoy imperii (22.10.1721 – oni [12: 304]. 2.03.1917): v 4 t.* [A Biographical Dictionary. The Highest Ranks of the Russian Empire (October 22, 1721 – [12: 304]. March 2, 1917): in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: [s.n.].

2. Likhomanov, A.V. (ed.) (2009) *Vospominaniya: iz bumag S.E. Kryzhanovskogo, poslednego gosudarstvennogo sekretarya Rossiyskoy imperii* [Memories: From the papers of S.E. Kryzhanovsky, the last state secretary of the Russian Empire]. St. Petersburg: Russian National Library.

3. Karpachev, M.D. (2013) Sergey Efimovich Kryzhanovskiy – politicheskiy deyatel' i publitsist nachala XX veka [Sergei Efimovich Kryzhanovsky – a politician and publicist of the early twentieth century]. *Vestnik Voronezhskogo universiteta. Ser. Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya.* 2. pp. 52–59.

4. Kryzhanovskiy, E.M. (1890a) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 1. Kiev: S.V. Kulzhenko.

5. Kryzhanovskiy, E.M. (1890b) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 2. Kiev: S.V. Kulzhenko.

6. Kryzhanovskiy, E.M. (1890c) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 3. Kiev: S.V. Kulzhenko..

7. Kryzhanovskiy, E.M. (1890d) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 1. Kiev: S.V. Kulzhenko. pp. 488–553.

8. Kryzhanovskiy, E.M. (1890e) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 1. Kiev: S.V. Kulzhenko. pp. 589–652.

9. Kryzhanovskiy, E.M. (1890f) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 2. Kiev: S.V. Kulzhenko. pp. 5–62.

10. Kryzhanovskiy, E.M. (1890g) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 2. Kiev: S.V. Kulzhenko. pp. 63–280.

11. Kryzhanovskiy, E.M. (1890h) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 2. Kiev: S.V. Kulzhenko. pp. 281–303.

12. Kryzhanovskiy, E.M. (1890i) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 2. Kiev: S.V. Kulzhenko. pp. 304–404.

13. Kryzhanovskiy, E.M. (1890j) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 2. Kiev: S.V. Kulzhenko. pp. 405–409.

14. Kryzhanovskiy, E.M. (1890k) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 3. Kiev: S.V. Kulzhenko. pp. 5–97.
15. Kryzhanovskiy, E.M. (1890l) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 3. Kiev: S.V. Kulzhenko. pp. 98–195.
16. Kryzhanovskiy, E.M. (1890m) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 3. Kiev: S.V. Kulzhenko. pp. 196–316.
17. Kryzhanovskiy, E.M. (1890n) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 3. Kiev: S.V. Kulzhenko. pp. 317–395.
18. Kryzhanovskiy, E.M. (1911) *Russkoe Zabuzh'e (Kholmshchina i Podlyash'e)* [Russian Zabuzhie (Chelm Land and Podlyasie)]. St. Petersburg: Mirnyy trud.
19. The Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary. (1895) *Kryzhanovskiy, Evfimiy Mikhaylovich.* Vol. XVIIA. St. Petersburg: I.A. Efron. p. 862.
20. Anon. (1903) Kryzhanovskiy, Evfimiy Mikhaylovich. In: Polovtsov, A.A. (ed.) *Russkiy biograficheskiy slovar'* [Russian Biographical Dictionary]. Vol. 9. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. pp. 466–467.
21. Likhomanov, A.V. (2009) S.E. Kryzhanovskiy i ego vospominaniya [S.E. Kryzhanovsky and his memoirs]. In: Likhomanov, A.V. (ed.) *Vospominaniya: iz bumag S.E. Kryzhanovskogo, poslednego gosudarstvennogo sekretarya Rossiyskoy imperii* [Memories: From the papers of S.E. Kryzhanovsky, the last state secretary of the Russian Empire]. St. Petersburg: Russian National Library. pp. 4–45.
22. Petrushevich, A.S. (1867) *Kholmetskaya eparkhiya i svyatiteli ee po 1866 god* [The Chelm diocese and its saints until 1866]. Lvov: Iz pechatni Instituta Stavropigiyskogo.
23. Kryzhanovskiy, E.M. (1890o) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols]. Vol. 1. Kiev: S.V. Kulzhenko. pp. III–XLIX.
24. Filevich, I.P. (1911) Predislovie k kholmetskomu voprosu [Preface to the Chelm question]. In: *Russkoe Zabuzh'e (Kholmshchina i Podlyash'e)* [Russian Zabuzhie (Chelm Land and Podlyasie)]. St. Petersburg: Mirnyy trud. pp. V–XLVI.
25. Sulyak, S.G. (2021) I.P. Filevich and Carpathian Rus. Part 2. Carpathian Rus in I.P. Filevich's scholarly heritage. *Rusin.* 63. pp. 81–137 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/63/6
26. Shemyakin, V. (1888) E.M. Kryzhanovskiy. † 26 iyulya 1888 g. [E.M. Kryzhanovsky. † July 26, 1888]. *Tserkovnye vedomosti.* 35. pp. 968–970.
27. Shimanskiy, E.O. (1888) Grigoriy Kryzhanovskiy (nekrolog) [Grigory Kryzhanovsky (obituary)]. *Tserkovnye vedomosti.* 47. pp. 1326–1327.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

УДК 39(477.87)(437.6)(438)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/70/8

Публіцистика Юліана Тарновича на сторінках часопису «Наш лемко»

В.В. Тельвак¹, В.П. Тельвак², В.М. Наконечний³

^{1,2} Дрогобицький державний педагогічний університет ім. І. Франка
Україна, 82100, м. Дрогобич, вул. І. Франка, 24
E-mail: telvak1@yahoo.com

³ Київський національний університет культури і мистецтв
Україна, 01601, м. Київ, вул. Є. Коновальця, 36
E-mail: nakonechniy.ua@gmail.com

Авторське резюме

В статті досліджено публіцистичні дописи Ю. Тарновича на сторінках редакційної газети «Наш лемко» (Львів, 1934–1939). Доведено, що Ю. Тарнович першочергово зосередився на найбільш чутливому для лемків економічному вимірі їхнього життя. Діагностуючи причини господарських негараздів українського населення Бескидів, редактор «Нашого лемка» запропонував продуману програму економічного перетворення гірських теренів. Зокрема, він наголошував на потребі активістського ставлення до життя, запровадження практик раціонального господарювання, плеканні солідаристських цінностей у русинському середовищі. З'ясовано, що на думку Ю. Тарновича, вирішення соціально-економічних проблем повинно поєднуватися з культурно-освітлюючою працею. Її осердям була перманентна боротьба з масовою неписьменністю – як серед дітей, так і в середовищі дорослих. Досліджено, що редактора «Нашого лемка» також непокоїло питання морально-етичного клімату лемківського села, актуалізоване впливами модернізаційних змін, що їх принесли Перша світова війна та повоєнне влаштування світу. Борючись із проникненням в лемківські оселі модних тоді комуністичної ідеології, сектантських вірувань та багатьох шкідливих звичок, Ю. Тарнович разом із тим популяризував нові соціальні практики. Особливо часто він звертався до модної тоді феміністичної проблематики, осмислюючи її в руслі традиційного для українців культу Матері. Підсумовано, що пропаговані Ю. Тарновичем активізм і солідаризм виявилися затребуваними для лемків напередодні випробувань, що їх принесли Друга світова війна та пізніше масове вигнання з рідних земель.